

Владимир САВИЧ

РАЗНОСЧИКИ

Эмигрантская повесть в рассказах

CRUSH

Первые месяцы в эмиграции я жил на узкой и зыбкой полосе, лежащей между двумя огромными расщелинами. Одна из них отделяла меня от постсоветского прошлого, а другая не давала возможности попасть в капиталистическое будущее. Нужно было наводить ведущие в прошлое или будущее мосты, но для их строительства требовались деньги, причем солидные, а у меня после их тщательного подсчета не хватало не то что на мосты, но даже и хлипкие жердочки.

Мой сосед по лестничной площадке, такой же, как и я, «эмигрант-узкополосочник», Ефим Мосельпромский, длинной челюстью, крепкими острыми зубами и лупоглазыми влажными глазами смахивающий на крокодила, предложил быстрый и легкий путь обогащения.

— Игра в лото!

— Глупости, — отмахнулся я от этой затеи. — Всякая лотерея — обман, надувательство, мышеловка для лохов.

— В казино — да! С каталами, это я согласен, игра в одни ворота, но мы будем играть с государством!

— А какая разница?

— Разница в том, что, в отличие от мафиозных казино и уголовных наперсточников, государство не заинтересовано в обмане своих граждан.

— Да твое государство и есть первый мафиози.

— Наше прежнее — да, но здешнее правительство заботится о своей репутации и дает людям шанс, то есть выиграть!

— Почему это оно заботится о своей репутации?

— Потому что оно всенародно избранное. На последних выборах (Ефим относился к интеллектуалам) за него отдали свои голоса 46 процентов населения.

— Сорок шесть процентов. Удивил бабу вилами! У нас этот процент был девяносто девять и девять десятых, а счастливые билеты попадались только членам политбюро!

— Поэтому наше государство и просуществовала всего семьдесят лет.

— Это существует немногим больше.

Ефим враждебно нахмурил лоб и посмотрел на меня, — как некогда глядел следователь КГБ Иван Павлович Шелковичный, — морозным, но при этом бросающим в пот, взглядом:

— Если тебе так не нравится здешнее государство, то возвращайся назад.

— Но я не могу. У меня нет средств даже на покупку обратного билета. Не говоря о том, что там еще нужно будет купить жилье, одежду, мебель и прочая, — дрожащим, как когда-то в кабинете у Ивана Павловича, голосом ответил я. — Нет, я не могу.

— Тогда брось наводить критику, — разморозив взгляд, сказал Ефим. — Здесь, кстати, этого тоже не любят, и пошли в депанер (небольшой магазинчик) покупать лотерейные билеты.

Месяц мы провели в торговом центре недалеко от нашего дома. Мы покупали многочисленные (с романтическими и многообещающими названиями («Остров Сокровищ», «Али-Баба», «Копи Соломона») лотерейные билеты. Мы терли их скрывать от нас тонкой пленкой счастливые номера, что называется, не отходя от кассы, медными центами. А вот карточки «6 из 49» заполнялись в махонькой ефимовой студии и только в ночной тиши. Горели свечи. Трещал воск. Играла медиативная музыка. Погруженный ее аккордами в транс Ефим выкрикивал очередной номер. Всякая новая карточка заполнялась по рекомендациям затейливых восточных календарей, например, Ефим говорил:

- Сегодня ставим на последнего российского императора и его семью.
- Почему на нее?
- Потому что в этом году семьдесят шесть лет со дня ее гибели.
- Семьдесят шесть? Это даже не юбилей!
- Неважно.
- А что важно?

— То, что по старотайскому календарю сегодняшний день принесет удачу тем, кто поминает усопших повелителей. Первой чиркай в клеточке восемнадцать — день смерти императора. Затем поставим дату рождения наследника... так и несостоявшегося... отечественного престола. Галочка идет в окошко с числом тридцать.

Я послушно чиркал ручкой в названных Ефимом клеточках. Наше кооперирование приносило в месяц долларов десять, иногда двадцать. Нам завидовали, а их у окошечка «мгновенного счастья» кружилось великое множество, наши практически никогда не выигрывавшие конкуренты. Кто-то пустил слух, что наши выигрыши — это результат не Ефимовых магических заклинаний, а моей легкой руки. Вскоре меня (за повышенные комиссионные) даже стали переманивать в другие команды. Но я не покупался. Ведь в начале нашей карьеры я дал Ефиму слово «держаться вместе». Я привык держать слово.

После нескольких месяцев заполнения карточек и затирки билетов Ефим (не получивший в итоге того, чего он ожидал, от государства) возмутился и отправил в лото страны гневное письмо. Так как языком Ефим владел всего ничего, то письмо скорее походило на телеграмму: «Месяц. Честно. Заполняю карточки. Хочу знать. Где выигрыш. Жду ответа. Ефим Мосельпромский».

Ответа не пришло, и Ефим, забросив лотерейную гонку, стал бегать по офисам, конторам и общественным организациям в попытке найти управу на зажавшееся, по его словам, правительство. Ефим бегал, а я сидел и чего-то ждал. Чего я мог дожидаться в маленькой тесной эмигрантской квартирке? Чуда? Но оно уже явилось ко мне однажды в виде синенькой бумажки под названием «Социальное пособие на сумму 800\$». Большого чуда, увы, государство произвести не могло, а небо, видимо, закрылось от меня густыми облаками равнодушия.

Но вскоре тучи расступились, и в мою жизнь, подобно свежему ветру, ворвался маленький лысенький слегка подслеповатый, но весьма оборотистый человек с библейским именем Андрей и не соответствующей его деловой хватке фамилией Босый.

— Все это херня, — авторитетно заявил он, тасуя нашу с Мосельпромским пачку без выигрышных лотерейных билетов. — А у меня верняк!

А. Босый ловко, как фокусник карту, извлек из кармана резиновый кругляшек с латинской буквой «S».

— Что это? — поинтересовался я.

— Сто тысяч! — походя бросил в ответ Босый и уточнил: — Долларов! Которые мы можем вскоре обрести.

От этой астрономической цифры у меня закружилась голова, и я долго не мог спросить, каким образом они у нас обретутся. Босый, заметив мое волнение, ответил на мой живой интерес исчерпывающим вопросом:

— Знаешь, что такое Crush?

— Наличные деньги, кажется.

— Не cash, деревня, а Crush. Напиток такой. Вроде coca-cola. Пил?

— А, конечно, пил — дрянь страшная. Сплошная химия.

— Дрянь. Ой-ой! Будто наш «Дюшес» был не химия, а Божьи слезы.
— А при чем тут наш «Дюшес»?
— Да ни при чем. Я тебе дело предлагаю, а ты мне своими «Дюшесами» мозги паришь.

— Я? «Дюшесами»? Да ты первым его вспомнил!
— Ладно, замяли. Поговорим за Crush. Тут вот какое дело. В этом самом краше... в пробке, которой закрывается бутылка, спрятана буква. Где «с», где «h», где «s»... Если собрать из этих букв слово «Crush», то станешь обладателем ста тысяч долларов. Согласен?

— В смысле?
— Войти в дело.
— В какое? В сбор букв? — я задумался и поинтересовался: — Войти-то можно, но хотелось бы знать подробности?
— Какие тебе еще подробности?
— Ну, хотя бы откуда ты это узнал?
— Что?
— Ну, про буквы?
— Прочитал! Вот, — Босый протянул мне квадратик, исписанный затейливой латиницей. Из всего текста я понял только 100000\$.

— А ты что, по-ихнему читаешь?
— Вот дает! — изумился Босый. — Да я в своем отделе только и делал, что статьи для наших доцентов и профессоров переводил! Что, не веришь?

Как было не поверить человеку, который знал разницу между Crush и cash и, кроме того, в отличие от меня, посещал курсы иностранного языка.

— А почему ты не хочешь заняться этим делом один?
— С компаньоном быстрее. Ну, так как? Одна буква уже есть.
Босый достал резиновый круляшок и сказал:

— Между прочим, двадцать тысяч уже в кармане! Остается всего ничего... четыре буквы.

— И сколько ты выпил бутылок, прежде чем нашел эту букву?
— Сорок.
— Не хрена себе! Это почти пятьдесят долларов! Не, так не пойдет.
— Пятьдесят долларов против двадцати тысяч — не пойдет?! Сколько ты уже валу на своих лотерейных билетах стер — а? Правильно... немало, а отдача нулевая. Ловишь, можно сказать, синицу, когда журавль так и просится в руки. В моем случае, даже если ты и на сто долларов выпьешь, все равно будешь в профите! Пятьдесят тысяч на нос — согласишься, нехило! Ну, так как — входишь в дело?

Думал я недолго, а что было думать (хотя я активно создавал образ колеблющего человека), когда деньги прямо-таки текли в мои руки.

— Да.
— Ответ правильный, — улыбнулся Босый. — Теперь обговорим детали. Во-первых, количество выпитых бутылок в счет не идет. Во-вторых, выигрыш делим по количеству букв в одних руках.

Это был явный намек на имеющуюся у Босого букву «s».

— А если все остальные буквы найду я?

Босый задумался и принялся теревить свой вялый подбородок.

— Хорошо. Делим поровну...

С этого дня мой дом заполонил «Crush». Его пустые пластиковые бутылки захватили сначала кухню, потом перекинулись на балкон, с него стекли в подвал, и это несмотря на то, что я еще и мешками выбрасывал их в подходящую два раза в неделю мусорную машину. Я делал план маленькому «депанеру», что стоял неподалеку от моего дома. Китаец хозяин Фу-Ми даже подарил мне подержанный швейцарский нож.

Употребление апельсиновой гадости достигло своей эпопеи, когда нам удалось собрать четыре буквы. Все, кроме одной, нашел я! Не хватало только «h». В те тревожно-лихорадочные дни губы, подбородок и даже кончик носа у моих детей и жены окрасились в оранжевый цвет. Практически вся одежда была покрыта апельсино-

выми разводами. Я до сих пор ненавижу оранжевый цвет. Безобидная детская песня «оранжевое небо, оранжевое море, оранжевый верблюд» приводит меня в агрессивное состояние.

Как-то вечером я, жена и наши соседи Жанна и Миша Застенкеры сидели у нас на кухне, пили «Crush» и обсуждали динамику положительных результатов на эмигрантских судах. Во входную дверь постучали. Жена крикнула:

— Открыто. Входите.

Послышался скрип петель. Дунуло холодным ветром. Зашуршала потревоженная сквозняком апелляция Миши Застенкера. Под чьими-то тяжелыми ногами затрещал паркет. Момент был довольно жуткий. Его усиливали окрасивший кухню в тревожный алый свет осенний холодный закат и воющая на соседнем дворе собака. Шаги приблизились к кухне. Расступились, холодно позвякивая, бамбуковые висюльки вьетнамской циновки, и в кухню вошел сияющий, как ангел, Андрей Босый. Я все осознал и приглушенно выдохнул:

— Есть?

— Разумеется, есть!

— Неужели! — ахнула все понявшая моя жена.

— Что есть? — недоуменно поинтересовалась Жанна.

— Сто тысяч долларов, — ответили Андрей и, обратившись ко мне, сказал: — Вытаскивай свои буквы.

Я вышел из кухни. Вошел в спальню. Ножом подковырнул половицу и достал завернутые в чистую тряпочку резиновые буквы. Слегка трясушимися руками я положил их на кухонный стол. Соединенные в слово «Crush» серенькие резиновые буквы неожиданно полыхнули брильянтовым светом.

— Что это? — недоуменно поинтересовалась Жанна, рассматривая буквы.

— Сто тысяч, — пояснила, снисходительно глядя на Жанну, моя супруга.

— Каким образом?

— А таким.

Андрей Босый посвятил Жанну в суть изложенного выше дела.

— Негодяй! — воскликнула Жанна и больно ударила кулаком (со сжатыми в нем нашими буквами) мужа по голове. — Мерзавец!

— За что, Жанна?! — Миша потер травмированный затылок.

— За то, что люди делом занимаются, а ты херней!

— Жанна, но ты же знаешь, что я без конца пишу апелляции, когда ж мне ходить в лотерейный ларек?! И потом, ты всегда говорила, что Влад с Андреем занимаются ерундой!

— Молчи! Когда тебя не спрашивают!

Миша вновь погрузился в текст апелляции.

— И как же теперь нам получить деньги? — поинтересовалась, точно сама имела долю в деле, Жанна.

— Нужно послать письмо по адресу, который указан в рекламе, — Андрей положил на стол, рядом с Мишей, рекламную статейку, которую тот тут же ухватил своими аристократическими пальцами. — И они пришлют чек на сто тысяч.

— Сто тысяч, — Жанна покатила каждую букву «ста тысяч» во рту, словно вкусные конфетки. — Сто тысяч. Огромные деньги! За них можно и без апелляции статус получить.

— погоди, Жанна, — перебил супругу Миша. — пого...

— Молчи! Молчи! Писатель!

— Нет, я все-таки скажу. Я скажу! Дело в том, что в этой бумажке, — Миша потряс перед нами текстом рекламы, — сказано, что собранные буквы еще не гарантируют ста тысяч, а только дают право участвовать в конце этого года в розыгрыше лотереи. Призы в ней — от бесплатной бутылки Crush до главного приза в сто тысяч.

— Как? Что? Где ты это вычитал?! — Андрей вырвал из Мишиных рук бумажку.

Миша ткнул пальцем в текст. Босый приблизил к подслеповатым глазам бумажку. Я тоже сунул свой нос, хотя ни бельмеса не понимал, в текст рекламы. Прочитав текст, Босый положил бумажку на стол и обреченным голосом сказал:

— Миша, ты прав.

— Погоди! — воскликнул я. — Как это прав? Ты же сказал, что умеешь читать по-ихнему?

— Конечно, умею!

— Так как же ты не понял?

— Ну, там было мелко написано, — стал оправдываться Босый. — Поэтому я это пропустил... у меня же проблема с глазами.

— Теперь у тебя будут проблемы не только с ними, — зло сказал я, закатывая рукава. — Я из-за тебя, мудака... пропустил... мимо бюджета... больше двухсот долларов. Травил детей и жену химией. Кто мне теперь все это компенсирует?!

Я угрожающее обхватил рукой горлышко наполовину опорожненной бутылки «Crush». Жанна схватила Мишу за рукав и испуганно сказала:

— Пойдем, Миша, тебя тут отвлекают...

Жанна с Мишой выскользнули из кухни.

— Э, э, э... Тихо... спокойно... — стал пятиться за ними к двери Босый. — Еще не все потеряно. Пошлем на лотерею! Пошлем и выиграем.

— Бесплатную бутылку «Crush»? Ах, ты, сука! Я тебе сейчас сделаю и журавля, и синицу, и... в одном флаконе!

Я бросился на Босого. На мое счастье (потому что, догони я его, я бы сегодня сидел в камере пожизненного заключения, а не писал этот рассказ), он выскочил из квартиры быстрее, чем я добежал до кухонной циновки.

— Придурок! Идиот! У нас есть шанс! Мы выиграем! У нас легкие руки... — доносились сначала из подъезда, а потом с улицы пронзительные возгласы коллекционера буковок А. Босого.

Как только затих последний из них, жена, посмотрев на меня так, что, ей-Богу, лучше бы она меня ударила, вышла (по дороге сильно пнув ногой валяющуюся бутылку «Crush») из кухни. Я остался один. Вскоре злость моя перекипела и превратилась в пар отчаянья. Лежавший на столе дамасской стали (подарок китайца Фу-Ми) нож очень хорошо подходил для решения всех проблем. В кухонной полумгле сверкнул металл. Лезвие устремилось к незащитной сильно пульсирующей вене. Когда уже казалось, что алая кровь вот-вот зальет кухню, из «living room» донесся голос жены:

— Тебя к телефону.

Нож замер в пахнущем «Crush» кухонном воздухе. В голове мелькнула мысль: может быть, это спасительный звонок? Я вышел из кухни. Взяв в онемевшую (от страха) руку трубку и дрожащим голосом сказал:

— Я слушаю.

Звонил один из лотерейных игроков Миша Хвольсон.

— Привет. Есть дело...

— Да пошел ты, — не дал я (зная заранее, в чем его суть) изложить Мише существо дела.

— Ты чего?

— А то, я больше не играю. Ясно?

— Да я не по этому вопросу.

— А по какому?

— Тут один мужик набирает русских на работу по разноске флаерсов. Пойдешь?

— Что это за флаерсы?

— Рекламные бумажки. Типа — какие скидки в магазинах.

— А! Ну, и что?

— Он ищет людей... Пойдешь?

— Кто он?

— В смысле?

— Ну, мужик этот твой?

— А! Зовут его Фикса.

— И все?

— А что тебе еще нужно? Характеристика?

Я промолчал. Не дождавшись вопроса, Миша внес существенное дополнение:

— Платит пять долларов в час. Работаем часов по десять. Пятьдесят долларов в

день. Пять рабочих дней. Двести пятьдесят долларов. Нехило для начала. Ну, так как, согласен?

Не раздумывая (ведь это был живой журавль в руках), я ответил:

— Согласен.

Так началась моя разночинская жизнь, которой посвящена эта повесть.

КОНЬ

— Сегодня пойдешь в паре с Конем, — сказал мне утром бригадир флаерщиков Фикса (флаерщики — разносчики рекламы).

У него была какая-то фамилия, но между собой мы называли его (за блестящую золотую коронку) Фиксой. Вообще-то в среде флаерщиков имена не катили. В ней преобладали клички. Почему клички? Да к чему (занимающим последнюю строчку в социальной иерархии) разносчикам имя?

— Кто такой Конь? — поинтересовался я.

— Конь. Пыф-пыф. Мать твою ветра пыф!

Фикса пытался раскурить на январском ветру дешевую сигарету.

— Конь... это Конь!

Красноречием Фикса, как и члены его бригады, не отличался.

— А можно поконкретней?

— Да говорят же тебе — Конь. Вон он у двери стоит.

Я обернулся и, взглянув на маленького худенького мужчину, вынес свое резюме:

— Смурной он какой-то. Этот твой Конь.

— Засмуреешь от жизни нашей ...дской.

Фикса плюнул на белый снег рыжей табачной слюной.

— Ты знаешь, кем он раньше был?

— Откуда? Я же его первый раз вижу!

— Ну, так и не гони, — Фикса шумно высморкнулся.

— Кого?

— Коней.

— Каких? — недоуменно поинтересовался я.

— Каких надо, таких и не гони. А, мать твою, не раскуривается!

Бригадир растоптал сигарету, и мы вошли в «предметровник», как мы называли верхнее помещение станции метро. Мимо нас пробегали опаздывающие на производство синие (было их время) воротнички. Слышался их кашель, сморкание, pardon, соггу...

— Конь — это тебе не хрен с бугра, — сев на скамейку, сказал Фикса. — Конь — это... короче... — и бригадир принялся грузить меня фактами чужой биографии. — Он на столичном ипподроме первым номером, то есть жокеем был. На Москве стоял, как лингам у жеребца!

«Фикса» сделал вульгарный жест и засмеялся. Это был даже не смех, а настоящее ржание, которому позавидовал бы и Владимирский тяжеловес. Последние опаздывающие на работу «синие воротнички» шарахнулись в сторону и опрометью бросились в глубокую шахту метро. «Передметровник» опустел. В нем установилось, как я его называл, безвременье. То есть «синие воротнички» уже разъехались, а «белые воротнички» еще только собирались на службу. Сейчас в «предметровнике» сидели только бомжи и разносчики.

— Конь полсвета объездил со своей кобылкой «Зорькой», — продолжал свой рассказ Фикса. — У него призов разных и кубков больше, чем вшей у бомжей!

— Что ж он делает при кубках и медалях на разноске флаерсов? В чем дело?

— Дело было нормально! — ответил странной фразой Фикса и замолчал.

Несколько минут он ругался, пытаясь раскурить новую сигарету.

— А именно?

— Короче, он тут два года тому назад со своей кобылкой и молодой потаскушкой на местный ипподром приезжал. Месячную эту гастроль устроили ему правильные столичные люди. Ну, и ты сам должен понимать, что конь целый месяц ходил в икре

и шоколаде!

Фикса замолчал. Послышалось:

— Пыхф-пыф. Мать твою табака! Пыхф.

— Ну, и? — заинтересованно (по-видимому, во мне пробуждался дремавший беллетрист) спросил я.

— Ну что ну! Что ну? Ну, отшоколадились и стали правильные люди домой собираться, да коня с кобылкой евойной и девкой собирать, а Конь им кукиш показал. Никуда, говорит, не поеду. Тут останусь! Ну, правильные люди ему и сказали:

— Ты че, братан, с коня упал! Что ты будешь тут делать?

— Скакать буду! — ответил им Конь. — Я тут через год-два не только в икре, я весь в бриллиантах стоять буду! Таких, как я, жокеев здесь хрен с огнем найдешь!

— Да на хрен ты кому тут нужен, мудо! — засмеялись правильные люди. А Конь им:

— Да пошли вы кобыле в трещину. Не поеду. Тут, мол, цивилизация, закон и порядок.

А правильные люди ему:

— Закон? Порядок? Может, оно и так, да только ты на себя посмотри. Тебе ж полтинник скоро. Ты ж через пару лет на коня не взберешься. Короче, как хочешь, а мы поехали.

Погрузили в вагон кобылку, девку и уехали. А Конь тут счастья стал искать. И доискался. Сегодня побегит с тобой в паре. Говорят, что носится он, как мотыль! Но ты ж у нас тоже чемпион!

И правда, в бригаде быстрее меня никто не ходил.

— Вот и посмотрим, кто из вас быстрее ходит. Не подкачай бригаду, Владик!

— А откуда он в нашей бригаде взялся ваще? — поинтересовался я.

— Так он раньше у Лохматого бегал, но чего-то они там не поделили, он к нам попросился. Я взял.

Фикса замолчал. Где-то далеко внизу, словно отголосок параллельного мира, слышался приглушенный гул прибывающего поезда. Ух, — словно морская волна, донесся шум закрывающихся дверей. Тух-тух-тух-тух. Стук колес затих в параллельно-перпендикулярных магистралях подземки.

— Ну, пошли, мужики, — сказал Фикса, обращаясь к членам своей бригады. — Гаврила (так звали нашего шофера) подкатил.

Я посмотрел в мутное, забрызганное грязью окно подземки. Возле тротуара стоял иссиня-черный фургон. Между собой мы называли его «катафалком».

— Сегодня работаем на Лонг-Бич, — сказал Фикса, усевшись на место рядом с водителем. — На все даю семь часов.

— Мы тебе что, Шумахеры какие или что! — зашумели разносчики. — Да такой район и за десять не разнести! Меньше, чем за восемь, мы не поедем.

— Не поедете — не выдам зарплату за прошлую неделю, — резко подавил намекающийся бунт Фикса. — Ну? Трогай!

Гаврила нажал на педаль газа. Машина, завизжав колесами по льду, тронулась в путь. Разносчики еще несколько минут пошумели и замолчали, погрузившись в утреннюю дрему. Наступила тишина, изредка нарушаемая покашливанием и храпом. Минут через сорок машина остановилась.

— Выходят Владик и ты, — Фикса указал пальцем на того, кого он все утро называл Конем.

Мы вышли из машины. Холодный пронзительный ветер ударил в лицо. Перед нами лежало голое поле, до ближайшего дома было метров сто пятьдесят.

— Мне кажется, что перейти такое поле значительно сложнее, чем прожить жизнь, — пряча голову в капюшон, сказал я.

— Что ты знаешь о жизни, пацан, — хмуро ответил Конь.

Будь на дворе лето, я бы ответил ему парой ласковых фраз, но ветер и холод не располагают к дискуссиям. Я поправил на плече увесистую сумку и пошел в направлении поселка. Вообще район Лонг-Бич считался у разносчиков гиблым местом. От дома до дома метров двадцать пять. Устаешь за день, как собака, а выработки — что твой кот заплакал. Вскоре мы достигли окраины поселка.

— Какую сторону берешь? — поинтересовался я. — Четную, нечетную?

— Да мне по-любому.

— Ну, тогда я эту, — я выбрал более легкую, четную.

«Ну, сейчас мы посмотрим, какой ты есть Конь. Увидим, что ты за бегунок. Посмотрим». Я поправил сумку и пошел, мало-помалу набирая обороты ходьбы. Но как я их ни набирал, напарник мой все равно опережал меня метров на двести, а то и больше. Причем он не бежал, не прыгал, а шел обычным шагом. Я же, как ни ускорял свой ход, приблизиться к нему не мог и на сантиметр. Словно между нами лежала какая-то мистическая линия, пересечь которую я был не в силах. Изредка к нам подъезжал «катафалк».

— Бери новую порцию, пацаны, — кричал Фикса, сбрасывая нам увесистые упаковки рекламы.

В этот момент мы сходились в одной точке, загружали сумки и вновь отправлялись в путь. Отправлялись мы из точки вместе, но уже минут через пять я видел только его невыразительную спину. После третьей «заправки» мы вновь тронулись в путь. И тут я решил бежать за Конем. Но и это не помогло. Как я ни бежал, но догнать мне его не удавалось. Ей-Богу, это был не человек, а какое-то существо из античной мифологии! Минотавр? Пегас? Впрочем, я плохой знаток мифологии.

Вымотанный до крайности ехал я домой. Ни говорить, ни курить, а тем более, смеяться (обычно, возвращаясь домой, я шутил и весело балагурил) не было никаких сил.

— Смотри, пацаны, уморили нашего Владика. Ой, уморили! — показывая на меня, смеялся Фикса. — Завтра пойдешь с новым напарником?

— А почему нет?! — улыбнувшись, собрав на это все силы, ответил я.

Назавтра я решил дать коню настоящее сражение, но делать я это начал уже сегодня.

— Ты у нас врач? — то ли спросил, то ли констатировал я, обращаясь к жене.

— Бывший.

— Врач, как и офицер, не бывает бывшим!

— Что нужно, говори конкретней?

Я рассказал жене о проигранном забеге.

— Ты понимаешь, я даже не мог себе представить, что кто-то может ходить быстрее меня! Это катастрофа! Я должен взять реванш! — подвел я точку в своем рассказе.

— Что нужно от меня?

— Ты доктор и должна меня подготовить.

— К чему?

— К забегу.

— Каким образом?

— Ну, я не знаю, вы же проходили что-то такое в вашем институте?

— Да, изучали спортивный массаж...

— Вот и прекрасно! Делай массаж.

— Попробую, — жена достала медицинский справочник и принялась его сосредоточенно листать.

— Так, — положив книгу, сказала она, — во-первых, нужна баня и веник. Веником лучше работать в положении лежа. Сначала, лежа на животе, делать движения от стопы до головы двумя вениками. Затем по икроножным мышцам. Затем перейти к постегиванию: сначала — спины, ягодиц, бедер. В промежутках окунуться в бассейн...

— Баня, веник, холодный бассейн. И где мне все это взять в малогабаритной, да еще и съемной квартире?

— Можно обойтись ванной.

— Ванна воды? Да ты что — это же сумасшедшие деньги!

— Но ты же хочешь выиграть завтрашний забег?

— Но не за такие деньги! А без ванны нельзя?

— Нет. Мышцы нужно разогреть. Прими хотя бы душ.

— Душ? Душ, пожалуй, приму...

Раскрасневшийся и завернутый, как римский патриций, в пурпурное махровое полотенце, вошел я в «living room». Жена уже разминала свои руки:

- Ложись.
- Куда?
- На пол.
- Почему на пол?
- Нужна ровная твердая поверхность.
- Мне же будет жестко лежать.
- Ты хочешь взять реванш?
- Разумеется.
- Тогда ложись.
- Хорошо бы еще применить светомузыку, но ты же даже не можешь купить музпроигрывателя.

— Боже мой, опять двадцать пять! Ты же знаешь, что все деньги идут эмиграционному адвокату. Вот получим статус, тогда все разом купим, и проигрыватель, и светомузыку, и... Короче, давай массируй!

- Расслабь мышцы.

Я лег на твердый холодный пол и, как мог, расслабил свои замученные изнурительной ходьбой ноги. Жена, пробежав по их поверхности, ухватила какую-то жилу и сильно потянула ее.

— Ау! — точно ошпаренный пьяным поваром бродячий кот, заорал я. — Яу! Ты с ума сошла! Что ты делаешь?!

— Выполняю массажный прием, который применяется при закрытых переломах.

- Но у меня нет закрытых переломов!
- И что, никогда не было? Не может быть! У тебя какая-то шишка на кости. Может, в детстве был перелом, а ты не помнишь?

— Да не было у меня ни закрытых, ни открытых переломов! Впрочем, — поглаживая увечную ногу, сказал я, — еще один такой твой массажный прием, и он будет.

- Что будет?

— Перелом. В общем, давай делай не как при переломах, а как при подготовке к бегу на длинные дистанции. И нежней, нежней, пожалуйста...

Жена полистала книгу. Нашла в ней, видимо, что-то менее болезненное и принялась массировать. Я, стиснув зубы и слегка покрывая, точно чувствующий приближение Рождества гусь, стойчески терпел страдания.

- Все! — наконец сказала жена и вытерла руки вафельным полотенцем.
- И что я теперь должен делать?
- Заняться аутогенной тренировкой.
- Какой-какой?

— Аутогенной! То есть управлять эмоциями и вегетативными реакциями, которую, ну, то есть тренировку... аутогенную... нужно проводить в позе кучера.

- Это как?

— Да не волнуйся ты так, — завидев бледность на моем лице, улыбнулась жена, — нужно лечь в постель, расслабиться и, засыпая, отдавать приказания своим мышцам. То есть медитировать.

- Ну, это нормально. Это я могу!

Я лег. Накрылся до подбородка одеялом и стал медитировать: я чувствую, что правая нога моя расслаблена, а левая витает в небесах. Я спокоен. Дыхание мое ровно... Завтра я непременно возьму реванш.

А на хрена мне этот реванш вообще нужен? Какого лешего он мне сдался... Подумал я и провалился (минуя стадии быстрого и медленного) в глубокий крепкий сон.

Утром я проснулся бодрым и свежим. Быстро съел яичницу. Запил ее стопкой настойки боярышника на спирту. Облачился в теплый комбинезон. Сунул ноги в удобные сухие чуни. Прежде чем скрыться за порогом квартиры, я взглянул на себя в мутное старинное зеркало и сказал, глядя на тусклое отражение:

- Ну, держись, Конь!

Закрыв ключом дверь и отправился к месту сбора бригады. Станция метро «West Island». В метро, в связи с субботним днем, сидели только флаерщики. Даже бомжи отсутствовали. Лица разносчиков были хмурыми. Разговоры тихими.

— Привет, — поздоровался я с бригадиром.

— Здорово, Владик, — Фикса закурил сигарету. — Сегодня пойдешь в паре с Якутом.

— Почему с Якутом? Ты же говорил, что я побегу с конем?!

— Нет Коня.

— Почему нет?

— Потому что весь вышел...

— Куда?

— В осадок.

— А точнее?

— Копыта отбросил Конь.

«Все-таки я его замучил! — обрадовался я. — Так замучил, что он даже на работу не вышел». Но радовался я недолго.

— Кувыркнулся вчера наш Конь вот сюда, — Фикса подвел меня к парапету. Я посмотрел вниз. До мраморного пола зала ожидания было не менее пятнадцати метров. — И вдребезги!

— Как это кувыркнулся? Как это вдребезги?!

— Ну, как, как. Башкой вниз! Короче, покончил жизнь самоубийством.

— Не может быть. Чепуха какая-то, вчера бегал со мной в паре, да как бегал, и вдруг самоубийство... Ты что-то попутал. На хрена человеку, который готовится вечером к самоубийству, целый день носиться, как дураку?! Не мог он так себя перед смертью изнурять! Чепуха!

— Толян, иди сюда, — позвал разносчика Толика Раевского Фикса.

К нам подошел невысокий человек. Его мясистое красное лицо и клетчатая кепка делали его похожим на клоуна. В бригаде за это сходство его звали карандашом.

— Вот человек не верит, что конь того... вчера... это... в шахту метро сбросился.

— Точно, сбросился, — заверил меня Карандаш. — Меня сегодня ночью полиция даже допрашивала. Записку мне его предсмертную показывали. Мол, никого не виню. Ухожу по собственному желанию. Точно не записка, а заявление в отдел кадров. Его или не его почерк, интересовались. А я откуда знаю? Я ж от него писем не получал...

Через два дня Фикса сказал мне:

— Владик, слышь, надо бы как-то проститься с человеком. Жил-жил мужик, а на похороны никого себе не нажил. Пойдем сходим? Может, нам с тобой за это зачтется, — Фикса поднял глаза к голубым холодным зимним небесам.

— А кто его хоронит? У него же, как ты мне говорил, никого из родных здесь нет?

— Муниципалитет оплатил. Ну, так пойдём?

— Пойдем, конечно.

Мы встретились на станции метро «Rodex» и пошли в направлении приземистого здания. Лестница серого гранита привела нас в сумрачный зал. Негромко играл моцартовский «Реквием».

— Пройдите вот сюда, — распорядитель указал на двери с мутными стеклами.

Фикса открыл дверь, и мы вошли в просторную обитую черным шелком комнату. В ней никого не было.

— А где тело?

— Вон, — Фикса указал мне на постамент из коричневого мрамора, на нем стоял иссиня-черный кубок.

Так я впервые увидел урну с человеческим прахом. Как ничтожно мало остается от человека, подумал я, подходя к постаменту. Я вытащил очки и прочел выгравированную на кубке надпись: «Victor Samoylov». Так я узнал, что у Коня были имя и фамилия...

Реванша не состоялось. Я остался побежденным. Хотя уже никто и никогда меня из разносчиков не обгонял.

МОЛОЧНЫЕ ДЕНЬГИ

На утреннем разводе бригадир Фикса сказал:

— Сегодня на дальний участок пойдут, — он запустил руку в карман широких серых брюк, достал мятый лист бумаги и прочел: — Леха, Семен, Витек и Влад.

— Сколько часов даешь на участок? — поинтересовался высокий, худой, с голубыми невинными и честными, прямо-таки ангельскими, глазами разносчик Леха.

— Даю, — Фикса взглянул на часы, — пять часов.

— Да ты что, за пять! — возмутился Семен. — Давай семь!

— Правильно, семь часов, не меньше! — поддержали мы товарища.

— Даю пять! Не хотите, я других пошлю. Ну, так что?

— Ладно, уговорил, — сказал Леха.

— Только без бадды, мужики. Работать по-честному...

— О чем базар, бригадир, — заверил Фиксу Леха. — Сделаем в лучшем виде.

Минут через тридцать мы с огромными красными сумками, подобно десанникам, выпрыгнули из «катафалка» в точке «А». Мои часы показывали ровно девять часов утра.

— Бумагу (рекламные брошюры) я оставляю здесь, — Фикса тыкнул пальцем в карту района: — Здесь. Здесь и здесь. Этого вам как раз хватит. Домой добирайтесь своим ходом. Автобус тут ходит регулярно. Старшим по группе назначаю... — Фикса подумал и сказал, указав на меня: — Влада. Окей?

— Ок, — согласился я.

— Дай хоть денег на проезд, — слезно попросил Леха. — У меня ни цента.

— И у меня.

— И у меня.

— У меня тоже, — сказал я.

— Не хрена себе, — удивился Фикса, — работаете, а денег нет? Ну, ладно, вот вам десятка — на всех хватит. Держи, Влад.

Я взял деньги, и мы разбрелись по району, чтобы, как в детской задаче по математике, встретиться по завершении работ в точке «В». Утро было прекрасным. Солнечным, но не жарким. Я шел по тенистой улице, застроенной домами викторианской эпохи. Над головой моей шумели желто-красной листвой осенние клены. Под ногами весело скрипел цветной щебень пешеходной дорожки. В роскошных, как дамы бальзаковского возраста, осенних цветах деловито клубились осы. На озере, что касалось своим берегом дороги, по которой я шел, наставительно кричали, готовя молодняк к длительному перелету, утки. Можно бесконечно долго описывать осенние краски, звуки, запахи, но для этого существуют фото- и видеоаппараты. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, а тем более прочесть.

Через пять часов ровно я, Витек и Семен собрались в точке «В». Солнце припекло. День разгорался.

— А где же Леха? — поинтересовался я, прячась в тень огромного платана.

— Я его не видел, — ответил Сеня.

— И я тоже не встречал, — заверил «старшего» Витек и продолжил. — А на фиг он нам нужен ваще? Что он, без нас дорогу не найдет. Пошли, мужики.

Группа живописно грязных разносчиков направилась к автобусной остановке.

— Эй, а меня что, упустили из виду! — вынырнув из кустов, закричал Леха. — Нехорошо! Нехорошо! Забыли, что ли, — «сам погибай, а товарища выручай».

Мы остановились. Леха подбежал к нам. Снял сумку, сел на нее и принялся вытряхивать из кроссовок песок.

— Давай быстрее, — поторопил его я.

— Не гони коней, старшой! Домой всегда успеем.

— Успеем. Да тут автобусы ходят в час по чайной ложке.

— А у тебя что, дети малые плачут?

— А ты что, предлагаешь тут, что ли, сидеть и смотреть на твои дырявые носки?

— Я, пацаны, — сказал Леха нам, давно перешагнувшим пацанский возраст, мужикам, — предлагаю драбализнуть по пузырью? Так сказать, за хорошо выполнен-

ную работу!

— За билетные деньги, что нам оставил Фикса? — поинтересовался я.

— Не тушуйся, Владик. У меня есть. Я угощаю, пацаны!

— Ну, если только так, то мы не против, — ответил за всех Сеня.

— Тогда пошли! — выкрикнул Леха.

Мы свернули с дороги, ведущей к остановке, и колоритной липовой аллеей направились к магазину. Винно-водочный отдел встретил нас легким джазом, обилием изделий и мило улыбающимся седовласым господином — продавцом отдела.

— May I help you gentlemen? We've special price for Bordeaux Sauvignon Chateau de Brion...

— Нет, нам бы водочки, — остановил продавца Леха. — Желательно русской.

— Russian Vodka? Please, — продавец указал на стенд с надписью «Vodka» и принялся перечислять сорта. — That's fine vodka «Russian prince». That's wonderful «Kazachok». Here is famous Smirnoff...

— Не — это все big shit. «Московская» есть?

— Certainly! — расцвел, точно майский день, продавец. — We have «Moskowskay» and «Stolichnaya»...

— И «Столичная»? — переспросил Витек.

— Sure! We have everything! What do you want? This one? — продавец взял в руки бутылку «Столичной».

— Нет, — одернул его Леха, — давай «Московскую».

— Да ну... «Столичная» мягче. Бери лучше ее, я всегда...

— Мои деньги, я и выбираю, — перебил его Леха. — А кому не нравится — может чухать на остановку.

— Правильно, — встали мы с Семеном на угощающую сторону.

— Да, конечно, Леха, бери любую, — боясь быть выброшенным из компании, залепетал Витек, — я ж только так... разговор поддержать... бери, какую хочешь... мне по-любому... на халяву, как говорится, и укус сладкий.

— Ну, сколько берем, пацаны? — поинтересовался у нас Леха. — Две банки хватит?

— Две на четверых? — переспросил я.

— Ну! Да не тушуйся, Владик, мало будет... еще за одной сбегает.

— Да нет, я в том смысле, что две — это много. Все-таки пять часов бегали, да и день жаркий.

— Да ты шо, старшой? — удивленно посмотрев на меня, сказал Леха. — Две банки водки на четверых крепких пацанов?! Это ж как в том кино, шо тут пить.

— Давай две, — приказал Леха седовласому господину, — «Московской».

Мы вышли из винно-водочного и переместились в продовольственный. Он встретил нас легкой классической музычкой и обилием упаковок. Мы долго бродил между стеллажей.

— Екарный бабай, — сказал Леха, обойдя десятый стеллаж. — Тут, как у Райкина, «дом большой, а поговорить не с кем». В том смысле, что жратвы навалом, а закусь нечем.

— Я не понял, мы что, берлядь собрались или бухать? — поинтересовался Семен. — Бери банку соленых огурцов. Хлеба черного. Колбаски копченой упаковочку. И все дела.

— Да какой черный? Откуда тут черный! — возмутился Леха.

— Ну как же, вот черный хлеб лежит.

— Сам ты черный, мудило. Это ж крашенный. Они его красят, как типа мы перед приездом генерала траву на плацу зеленой краской красили. Красил, когда в армии был?

— Неа, — ответил Семен. — Я в оркестре округа служил. Мы только парады играли, а траву нет, не красили.

После долгих споров и воспоминаний мы сошлись на следующем. Буханка итальянского серого хлеба. Банка польских маринованных огурцов. Коробка китайской ветчины. Упаковка австрийских сосисок. Если бы все это попало нам лет пять тому назад, когда мы все еще жили за железным занавесом, мы бы рассказывали об

этом как о чуде, а сегодня мы воротили нос и вспоминали то, что когда-то проклинали как опостылевшее.

Упаковав покупки в сумки, мы оправились на берег озера. Там выбрали дальний столик. Разложили на нем продукты. Леха достал нож и крупно нарезал огурцы. Витек разломал буханку на увесистые куски. Семен вытащил пяток сосисок. Я открыл водочную пробку.

— А как мы будем бухать? — поинтересовался Семен, глядя на бутылку. — С горла, что ли?

— Не бойсь, у меня мензура есть! — Леха достал из сумки пластмассовый стаканчик.

— Один на всех? — скривился Витек.

— Тот, кто брезгует, может только закусывать, — начальственно заявил Леха.

— Да чего тут брезговать, чай, все свои, — выразил общее мнение Семен.

— Заметано, — Леха сполоснул в озерной воде стаканчик.

— Ну, Леха, тебе как хозяину веселья — первому, — сказал я, поднимая бутылку.

— Да не, Влад, лей себе первому, — ты ж у нас вроде старшой, а старшого нужно уважать.

— Если никто не против...

— Не против! Не против! — заявили мои «подчиненные». Я выпил.

— Ну, как? — спросил Леха.

— Точно Плисецкая (моя дочь тогда занималась балетом, и я знал множество всякой балетной ерунды) в пируете.

Вторым выпил Леха.

— Ну, как «Московская» местного разлива пошла? — поинтересовался Семен.

— Ансамблем песни и пляски, — ответил Леха, аппетитно хрустя огурцом.

Третьим выпил Семен. Но прежде чем выпить, он (Сема страшно любил поговорить) сказал:

— Я хочу поднять эту стопку, мужики, за русскую духовность...

— Да ну тебя на хрен... давай рюмку скорей освобождай... я тоже бухнуть хочу, — оборвал его еще «сухой» Витек.

— На, пей, — Семен обиженно протянул ему рюмку.

— Слышь, Витек, не перебивай человека, а то ваще пайки лишим, — заявил Леха.

— Пусть Семен произнесет.

— Да я быстро, — заверил Семен. — Я вот что хочу сказать. Я хочу сказать, что у них тут человек... вот так не достанет из кармана заработанные мозолью и кровью деньги и не угостит товарищей. Предлагаю выпить за щедрого, теплого... Короче, за тебя, Леха. Ура!

— Ура! — закричали мы. Семен выпил.

— Ну, а теперь ты, — стаканчик оказался в руках Витька.

— Я тоже хочу присоединиться к словам Семена. И сказать так. Обойди ты весь свет, а таких хороших людей, как наши... хрен найдешь. За нас! Ура!

— Ура! — поддержали мы товарища, жуя итальянский хлеб.

После третьей (за которой, как самый молодой, сбегал Витек) бутылки «Московской» русская дружба, духовность, теплота, etc уже не могла быть найдена не только на Земле, но и в недрах бескрайней галактики. Затем последовала четвертая, но речей я уже не помню...

На следующий день Фикса приехал почему-то на своей легковушке «Honda». Он раздал (обойдя своим внимание нашу вчерашнюю бригаду) району и, приказав водителю Гавриле трогать, подошел к нашей группе.

— По глазам вашим вижу, гуляли вчера. Интересно узнать, за какие?

Фикса посмотрел на меня.

— А что случилось?

— Я спрашиваю, за какие деньги гуляли?

— Ну, мы сбросились...

— А что вы могли сбросить, когда у вас денег только на дорогу было? Червонец, что я вам дал. А по ромам вашим я вижу, что вы вчера не меньше банки на рыло выдули? Где деньги взяли?

— А что случилось? — резко вступил в разговор Леха. — Чего ты бочки на нас катишь? Кто? Где? Нашли и выпили. Тебе какое дело?!

— Мне какое дело? А такое, что за твои дела, козлина, меня сегодня в конторе раком ставили.

Фикса сильно засадил кулаком Леху в солнечное сплетение. Леха скрутился, что называется, в три погибели и рухнул на землю. Честные, чистые, можно сказать, ангельские глаза его закрылись. Мне показалось — навсегда. Минуты через три он с трудом разомкнул веки и негромко сказал:

— Че за дела?

— А дела, что сажа бела, — ответил ему Фикса, поглаживая свой кулак. — Если ты, козлище, не вернешь молочные деньги, то я потеряю работу, а ты... сядешь в тюрьму. Понятно?

— Какие молочные деньги? — поинтересовался я.

— А такие, которые вы вчера пробухали...

— Да ты толком объясни, что за деньги такие.

— Поясняю. Молочные деньги — это такие бумажки по пять, десять, двадцать долларов. Бумажки эти люди оставляют в коробке возле своего дома — молочнику. Молочник приезжает, оставляет молоко, а деньги забирает. Вчера молочник товар привез, а денег не нашел. Понятно?

— Понятно, — сказал я и добавил: — А кто взял?

— Вот этот козлище, — Фикса указал на Леху. — Я по карте проверил, кто по улицам, на которых пропали молочные деньги, ходил. Его были улицы. Твои, сука?! Отвечай!

Фикса замахнулся на Леху ногой, облаченной в ботинок сорок пятого размера.

— Мои. Я взял, только не бей, — Леха прикрыл руками туловище.

— Чтобы сегодня деньги были у меня. Понятно?

— А где мне взять, — заскулил Леха, поднимаясь на ноги. — У меня ни бакса в кармане.

— А это твои дела. До обеда не принесешь — сядешь!

Фикса направился к своей легковушке.

— Пацаны, — обратился к нам Леха, когда автомобиль Фиксы исчез из вида. — Помогите достать капусту. Ведь вчера же вместе бухали. Пособите, братцы!

— Сколько мы пропили? — поинтересовался я.

— Водяра восемьдесят и закусь двадцатка, — подвел итог Леха. — Итого, сотка.

— Не фига себе погуляли. Кстати, у меня ни цента в кармане, — Витек убедительно постучал себя по карманам.

— Я тоже своей адвокатессе последнее отдал, — прибег к спасательной эмигрантской (адвокат) соломинке Семен.

— Я отдам, — заверил я Леху. — Пошли.

Мы отправились в ближайший банк и сняли с моего счета сто двадцать долларов.

— Вадик, а зачем сто двадцать? — спросил Леха. — Я ж сказал, сотка.

— Буксы после вчерашнего горят или нет?

— Горят, горят, — трогая лбы, сказали мои товарищи.

— Ну, так пойдём, поправимся.

— Не, мужики, что ни говори, а лучше наших людей нигде в мире не найдешь! — бодро сказал Семен.

Мы дружной компанией отправились в магазин...

Молочные деньги Леха вернул с полочки. Больше он в нашей бригаде не работал.

ШКЕТ

Гена Мотыгин за свой маленький рост получил прозвище Шкет. Хотя по кличке его называли только за глаза, а в лицо уважительно звали Гена. Вызвано это было тем обстоятельством, что как-то известный катафалковский шутник Марк Гольдберг обозвал Гену Шкетом. Последовал короткий мощный удар в челюсть, и минут пятнадцать «катафалк» в полном составе приводил «шутника» в чувство («катафал-

ком», напомним, бригада разносчиков называла миниван, в котором ее возили на работу). Так мы узнали, что Гена мастер спорта по боксу в легком весе и чемпион молодежной олимпиады. После этого назвать его по кличке не решался никто.

Вида и содержания Гена был самого заурядного. Ростом, как было сказано выше, он не выделялся, внешностью своей внимания женского пола не привлекал, интеллектом не блистал, на иностранном языке не изъяснялся, да и как он мог это делать, когда по его собственному заявлению: «Я и по-русски-то с трудом...» Все, о чем можно было поговорить с Геней, так это о боксе. Хотя и лопотал он о нем со знанием дела, но выражался коряво, несвязно:

— Эт... как его... короче, я блок. Он мне опять эт чик, я блок. Он мне опять чик. Я в уклон и ему тык, тык... чистый нокаут!

Кроме удостоверения МС, у Гены была еще одна значительная вещь — жена Кира, которой Гена, что называется, дышал «в пуп» и внимал каждому ее слову. Я знал ее только визуально. Высокая статная розовощекая Кира являлась на точку сбора бригады разносчиков в день выдачи зарплаты. В этот же день на точке уже паслась стайка местных бичей. Коротко поздоровавшись с бригадой, Кира низким волевым голосом спрашивала:

— Где деньги?

— Вот.

Гена безропотно протягивал супруге конверт с жалованием. Бомжи, горько вздыхая, расходились. Если по какой-то причине Кире не удавалось прийти в день жалования, то зарплата утекала в ближайшую винно-водочную точку. В этот день у местных бичей был настоящий праздник. Они называли его «Н-Дау». Это оттого, что бичи звали Гену по-местному — Наггу. Через несколько дней помятый, небритый и без копейки в кармане «Наггу» покорно шел домой, где был жестоко, как боксерская груша на тренировках, колочен супругой. Весь в синяках и ссадинах, как герой в медалях и орденах, являлся чемпион молодежной олимпиады на место сбора бригады.

— Что такое, Гена?

— Что случилось?

— В чем дело? — участливо спрашивали у Гены разносчики, хотя все и всё прекрасно знали.

Гена трогал синяк и, болезненно морщась, рассказывал:

— Так... эт... как его... короче... я тут с местными это... в боксерском клубе помахался. Один эт... хрен с бугра мне чик... я блок... он мне опять того... эт... чик, я тык! Тык! Чистый нокаут!

Так они и жили, Кира и Гена, и Бог его знает, как бы сложилась их жизнь в эмиграции. Возможно, Гена организовал бы боксерский клуб, а Кира была бы при нем вроде кассира-бухгалтера. Но в Генину жизнь вмешался случай, а может быть, рука судьбы, что, впрочем, на мой взгляд, одно и то же.

— Я завтра не приду, у меня встреча с адвокатом, — сказал бригадиру разносчик Семен. — За меня поработает мой приятель Серега.

— Ок, — согласился бригадир.

Назавтра Сенино место в «катафалке» занял высокий, белокурый, голубоглазый красавец. «Киноактер, — подумал я. — Сейчас заговорит стихами...» Но заговорил он не стихами, а корявыми: «Эт... как его... того... короче... типа». Сучковатые эти междометия и несвязные звуко сочетания, а также корочка кандидата в МС по троеборью в одночасье сблизили Сергея и Гену. Через неделю это уже были, как говорится, друзья не разлей вода. Месяц спустя Серега (Дуглас, так его прозвали за сходство с киноактером К. Дугласом) пропал из бригады, а Шкет бродил (по своему участку разноски) мрачнее грозовой тучи. Если же выразаться спортивными терминами, то можно сказать, что Гена походил на боксера, пропустившего досадную плюху.

— Что случилось?

— Что со Шкетом?

— В чем дело? — интересовались друг у друга разносчики.

— Кира наставила Шкету рога! — сообщил разносчикам всезнающий Боря Мо-

стовой, которого в бригаде иначе, как Совинформбюро, не называли. Боря знал, о чем говорил, ибо жил он в одном подъезде и на одном этаже с Геней.

— Когда?

— С кем?

— Когда — точно не скажу, а с кем — пожалуйста: с Дугласом! — объявил голосом Левитана Боря Мостовой.

— Да ты что?!

— Они ж такие друзья!

— Друзья друзьями, а секс врозь! — усмехнулся Б. Мостовой.

— Почему врозь? — удивился разносчик по кличке Сексолог. — Могли бы жить дружной шведской семьей!

— Я бы сказал, дружной спортивной фамилией, — поправил его Марк Гольдберг и весело рассмеялся своей остроте.

О событиях Гениной жизни бригада узнавала, как в военное время из сводок Совинформбюро.

— Гена уже два дня пьет по-черному и дома не ночует, — сообщал Б. Мостовой.

— А Кира? — интересовались мы.

— Живет с Дугласом...

Еще через день Совинформбюро доложило следующее:

— Вчера Шкет явился домой и попытался избить Киру!

— И что?

— И получил сковородой по балде.

— И...

— И лежит в больнице с раскроенной башкой.

Дня два спустя последовала новая информация:

— Гена вышел из больницы.

— И???

— И получил предписание от полиции не прикасаться к жене.

— Ничего себе, — удивился я, — она же ему башку раскроила, а не наоборот...

— Первым драку все-таки заварил Шкет? — возразил Совинформбюро. — А Кира только защищалась.

— Ну, и что?

— А то, что у них тут баба всегда права! Тут порядки с бабьем хуже, чем в совке!

— А Дуглас? — поинтересовался кто-то из разносчиков.

— Дуглас в подполье.

— Так почему Кира не переезжает к нему?

— Ну, потому, что он в подполье, а во-вторых, на хрен он Кире упал. Гена хоть и маленький, но удаленький...

— Ты откуда знаешь? — с удивлением поинтересовался я.

— Слышал, как Кира про Шкета моей бабе говорила...

Потом, Шкет, хоть и любит заложить за воротник, но мужик правильный. Такого еще поискать нужно! Ну, побесится баба, да успокоится. Со всякой бывает.

— Да прежде чем она успокоится, — возразил я, — с ним... ну, то есть с Геней, может что-нибудь случиться.

— Да что с ним случится, — скривился Б. Мостовой. — Водка и время все залечат.

— Ну, дай Бог! Дай Бог.

Прошло дня два или три после этого разговора, и Мостовой сообщил следующее:

— Мужики, — длинная пауза. — Шкет повесился! — Боря вытер рукавом выступивший на лбу пот.

— Как повесился?

— Почему повесился?

— Когда повесился?

— Вчера в пять часов вечера, — ответил Б. Мостовой.

— Где?

— У себя в прихожей!

— Почему?
— Да по дурусти!
— Это как?
— Да как! Как! Хотел Киру попугать. Вернуть ее любовь, а голова-то у Шкета слабенькая, вся соперниками отбитая, вот и допугал.
— Что ты имеешь в виду?
— А то и имею...

Совинформбюро принялся рассказывать подробности Шкетова самоубийства:
— Поставил Шкет табурет. Прикрутил к крюку, что торчал у него в прихожей, веревку. Грамотно завязал узел. Встал на табурет и стал ждать, когда Кира вернется домой с работы. Кира возвращается ровно в пять часов вечера. Точняк это я вам говорю, хоть часы проверяй. Живут они на первом этаже, и Шкету прекрасно слышно, как открывается подъездная дверь. Короче, стоит Шкет, ждет. В пять часов ровно доносится стук входной двери. Гена прыг с табуретки... А это не Кира.

Длительная пауза.

— А кто?
— Да так, дура какая-то в гости к кому-то пришла.
— А Кира?
— Она в этот день запоздала, а когда в квартиру вошла, то Гена уже посинел. Ну, крик подняла... к нам прибежала. Я захожу и зрю, висит Шкет, точно боксерская груша. Я в полицию отзвонил. Те приехали, с меня показания сняли, Шкета с крюка сняли и отвезли в морг. Похороны послезавтра.

— Да что ты гонишь, — возмутились разносчики. — Поставил табуретку. Ждал, когда дверь в подъезде хлопнет. Если бы он хотел ее испугать, то он бы с табуретки спрыгнул, когда она квартирную дверь открыла.

— Э, нет, мужики, — скривился Совинформбюро, — эффект бы был не тот!

— А откуда ты знаешь, — спросил Мостового разносчик Аркаша, — что он решил ее попугать? Может, он и впрямь того...

— Не я решил. Я только рассказал, а решила Кира. Оказывается, он точно так же... недели две назад... перед ее приходом резал себе вены. Кира ему тогда сказала: «Смотри, Гена, я ведь могу и опоздать».

— Может, она... эта... того... специально опоздала? — выдвинул гипотезу разносчик Леха. — Чтобы от мужика отвязаться и с Дугласом, Шкетово добро поделив, это... жить?

— Да какое у него добро, — поморщился Мостовой. — Пару грамот да медный кубок за победу в молодежной олимпиаде. Нет, попугать он ее хотел, любовь вернуть, а оно вон как вышло...

На похороны Гены Шкета я не ходил. В те дни у меня были встречи с адвокатом. Все подробности о погребении призера молодежной олимпиады я узнал от Совинформбюро.

— Кира, — сказал он мне, — хотела, как положено, отпеть Гену в храме и похоронить его, как водится, на православном кладбище. Однако ж батюшка отпевать самоубийцу отказался и место на кладбище не выделил. «Кабы он своей смертью умер, — сказал он Кире, — я бы его отпел, и место выделил, и денег с вас, как с малоимущей, не взял бы, а так великодушно извините»... Кира ему: «А что ж мне, батюшка, делать?» — «Сходите на католический погост, — ответил батюшка. — У этих латинян теперь таких, как ваш покойный муж, и отпевают, и хоронят на общем кладбище». Кира пошла в католический могильник, но там запросили такое бабло, что хоть самой вешайся.

— И что? — поинтересовался я.

— Короче, порулила Кира в муниципалитет. Там выделили для Шкета место в муниципальном колумбарии, а также бесплатное сжигание тела. На похоронах были я, баба моя и наших разносчиков человек пять...

Вскоре Кира (очевидно, чтобы не мучиться воспоминаниями) переехала в другой город. Я слышал, что она вышла замуж. Не знаю, за кого, но не за Дугласа — это точно.

МОСКВА

Как его звали — Сергей? Петр? Аркадий? Не помню. Несколько дней мы работали с ним вдвоем на разноске небольшого рекламного буклета. Бригадир Фикса привозил нам его на точку сбора. Станция метро «Randall». Мы клали буклет в сумки и уходили на разноску. Район был относительно легкий. Дома стояли недалеко друг от друга. Тенистые улицы защищали нас от летней жары.

Мой напарник всегда (как я ни пытался прийти раньше его, мне даже казалось, что он там ночует) являлся на точку первым. Когда я приходил, обычно заставал его за чтением газеты. Он не просто читал. Он бубнил, слегка раскачиваясь, газетный текст, отчего походил на ортодоксального еврея, читающего тору. Это ощущение усиливала и его семитская внешность: курчавые волосы, орлиный нос, грустные миндалевидные глаза.

Впервые придя на точку сбора, я отрекомендовался и бодрым голосом спросил:

— Ну, как дела?

— Хреново.

— Что так?

— Он еще спрашивает. Да разве ж это жизнь. Гавно, а не жизнь! Нет, хорош! Я все решил. Завтра уезжаю!

— Куда? — осторожно поинтересовался я.

Он ответил мне словами героини чеховской пьесы:

— В Москву! В Москву! Завтра в Москву!

— Завтра? — переспросил я.

— Завтра. Вот сегодня закончу работу и пойду покупать на завтра билет!

Я вытащил из лопатника календарик и, посмотрев на дату, сказал:

— Но в Москву самолеты летают только по пятницам, а сегодня вторник.

— Да? А я все равно улечу!

Выдержав небольшую паузу, я подошел к нему с другим вопросом:

— С семьей?

— Нет! Один! Только один! Они меня, суки, сюда затащили. Пусть теперь тут и кукуют, а я в Москву.

— Как же они без тебя? Кто ж их прокормит?

— Ничего, не пропадут, а с меня хватит. Завтра же в Москву!

Я хотел напомнить, что самолет улетает в пятницу, но не стал этого делать, а задал другой вопрос:

— А у тебя что, в Москве осталась квартира? Прописка?

— Нет у меня никакой прописки, и паспорта нет, и квартиры тоже нет. За гроши продали, а какая квартира была, не квартира, а сказка! Тут такую квартиру и миллионеры не имеют. Я же в строительном тресте работал. В отделе снабжения. Можешь себе представить?

— Могу, — ответил я.

И живо представил себе трехкомнатную улучшенной планировки квартиру. Клеенные живеньким в цветочки обойчиком стены. Паркетный пол. Хрустальная люстра на потолке. Югославская стенка, а в ней цветной телевизор «Горизонт». Как ни представляй, а в итоге выходила квартира здешнего малоквалифицированного рабоче-го, но никак не миллионера. Закончив представление, я живо поинтересовался:

— А где же ты будешь жить?

— На вокзале! А где мне еще, беспаспортному, жить, как не на вокзале?!

— Как на вокзале?! — вытаращив глаза, сказал я. — Тебя же там арестуют и упекут в острог как бомжа! А там, сам знаешь, закон тайга. Можно и копыта отбросить за понюшку табака.

— Ну, и пусть! Лучше отбросить их на родной земле, чем на чужой за разноской этой... рекламы.

— Погоди! Погоди! Это же временно... ну, реклама эта. Пройдет пару лет, освоишь язык, пойдешь на курсы, станешь работать, денег накопишь, свое дело откроешь...

— Нет! — оборвал меня напарник. — Нет, только в Москву! В Москву, и точка!

— А что же ты там станешь делать? Ведь ни квартиры! Ни работы! Ни документов! Ну, подумай сам?

— Нечего тут думать. Я все решил. Завтра же в Москву!

Я хотел привести ему аргументы в пользу тутошней жизни. Рассказать о цивилизованности здешнего общества и дикости московского. Хотел поведать о демократии, либерализме, законности свободного общества, в которое ему довелось попасть. Сказать о том, что миллионы людей в Москве хотели бы оказаться на его месте, но в это время подъехал Фикса, и мы стали грузить бумагу в сумки.

Не прошло и полчаса работы, а он, уже уставший, сидел под раскидистой яблоней:

— Садись, — мой случайный товарищ вытащил из кармана пачку дорогих сигарет. — Закуривай.

Я присел на сумку и закурил.

— А ты знаешь, как я в Москве стоял?! — красиво затягиваясь, спросил он меня.

— Откуда ж мне знать.

— Так я тебе расскажу. В субботу я говорил жене, что уезжаю в командировку, но ни в какую командировку я не ехал, а брал тачку и катил в Сокольники, где в уютной двушке жила наша стройтрестовская бухгалтерша — душка Клава. Клавушка! — он, очевидно, так живо представил Клавушку, что даже поперхнулся сигаретным дымом. — Приеду к ней рано утром. Дверь своим ключом открою и прыг к ней под одеяло. И так, знаешь... с толком... с расстановкой... пристроюсь к Клавушке. Вжик-вжик, тык-тык, ах-ах! И усну, и сплю часов до двенадцати. Потом глаза открою, а с кухни уже тянет вкуснятиной. Клавушка мастерицей была по кухонной части. Какие делала беляши! Разве ж их можно сравнить со здешними гамбургерами! Я один раз попробовал этот гамбургер. Два дня с унитазом жил. Эх, Клавушка. Клавушка.

Напарник мой грустно вздохнул.

— Ну, вот, а ты говорил, что ехать не к кому, — улыбнулся я. — Вот к Клавушке и езжай.

— Да нет больше Клавушки. Все ждала, ждала, когда я разведусь, и, не дождав-шись, вышла замуж за майора ВВС.

Мой компаньон выбросил сигарету. Протянул руку к ветке. Сорвал яблоко, с аппетитом съел его и, швырнув огрызок на дорогу, заявил:

— Разве ж это яблоки. Вот у меня на даче антоновка была! От одного запаха можно было ума лишиться, а уж на вкус... тут такое яблоко не меньше бы сотни баксов стоило.

— Ну, пошли, что ли, — сказал я, когда он наметил было прикорнуть под тенью дерева. — А то мы так не нарботаем и на здешние яблоки.

— А зачем на них работать. Во, — он указал на яблоню, — рви сколько хочешь!

— Нет, брат, пошли, — сказал я, вставая, — а то если Фикса застанет нас лежащими, то мало нам не покажется!

— Да пошел он! Фикса этот! Подумаешь, тоже мне начальник. Я в Москве таких, как он, начальников на восемь множил и на десять делил!

— Ну, тут же не Москва, — напомнил я ему. — Нужно жить по здешним порядкам.

— Вот ты и живи, а я завтра в Москву! Хорош дурака валять. Пора делом заниматься!

Каким делом, напарник не пояснил. В пять часов вечера приехал Фикса.

— Все разнесли? — поинтересовался он.

— Все! — заявил мой товарищ по разноске, хотя половину бумаг выбросил в гарбичный ящик.

— Ну, и ладно. Вот ваше бабло, — бригадир отсчитал положенные нам за работу деньги. — В пятницу ждите меня на этом же месте.

Фикса уехал.

— Ага, ждите! Я уже в пятницу буду в Москве!

Мы спустились с ним в метро. В вагоне он, раскачиваясь и бубня себе под нос, принялся читать газету. Я же глазел на закопченные стены подземки и возникаю-

щие из темноты, словно оазисы, ярко освещенные и украшенные живописными рекламными плакатами станции метро. Вскоре поезд, скрипя колесами, затормозил:

— Вот и моя станция. Ну, прощай, — я протянул ему руку. — Счастливого тебе устроиться в Москве.

— И тебе не хворать, — он криво ухмыльнулся, но руки не подал.

Я вышел из вагона. Поезд, весело грохоча колесами, побежал дальше.

Все эти дни я только и думал, что о своем напарнике. Я живо представлял, как он садится в самолет. Летит, глядя в иллюминатор на бескрайний океан, что лежит под крылом комфортабельного лайнера. Как он выгружается в Шереметьево-2. Долго ищет свой скудный багаж. Берет за последние копейки такси и едет на площадь трех вокзалов. Как входит в зал ожидания Ярославского вокзала и размещается на жесткой лавке... Каково же было мое удивление, когда в пятницу я вновь увидел его на точке сбора.

— Ну, как дела? — не касаясь темы отъезда, спросил я.

— Хреново!

— Что так? — осторожно поинтересовался так.

— Он еще спрашивает. Да разве ж это жизнь. Гавно, а не жизнь! Нет, хорош! Я все решил. Завтра уезжаю!

— Куда? — задал я вопрос, уже догадываясь, какой последует ответ.

Я не ошибся.

— В Москву! Хватит! Наелся колбасы, променянной на Родину! — витиевато заявил напарник.

Весь день он бубнил о недостатках здешней жизни. 1. Птицы не пели. 2. Петухи не кричали. 3. Цветы не пахли. 4. Соленые помидоры отсутствовали. 5. Колбаса из нефти. 6. Мясо гормональное. И т.д. и т.п.

— Прощай, — сказал я, выходя из вагона, не протягивая ему на прощание руки.

— Желаю тебе хорошо устроиться в Москве.

Он ответил знакомой мне уже фразой:

— И тебе не хворать.

Во вторник, войдя в «предметровник» станции «Randall», первое, что я увидел, — снова он.

— Привет, — сказал я. — Как дела?

— Он еще спрашивает. Да разве ж это жизнь. Нет, хорош! Завтра уезжаю!

— Куда? — прикрывая зевок, спросил я.

— В Москву! Хватит! Набатрачился на всякую шушеру, как этот твой Фикса.

Я хотел было возразить, что Фикса такой же мой, как и его, но вместо этого достал из пачки сигарету, вышел из «предметровника» и закурил. Вокруг меня суетилась чужая жизнь. Пели птицы. Цвели цветы. Клубились люди. Бежали машины, а в небе летел самолет...

Прошло несколько лет.

— Добрый день, — сказал я, входя в русское кафе, что расположилось в деловом районе города, — можно поговорить с хозяином?

— А вы кто? — поинтересовалась у меня хорошенькая девушка-кассир.

— Я журналист из русской газеты. Хотел бы написать очерк о вашем кафе.

— Про нас?

— Про вас.

— И обо мне тоже? — широко открыв глаза, спросила девушка.

— И о вас тоже.

— Я мигом, — девица проворно скрылась за шуршащей (сухой осенней листвой) шторой.

Вскоре она вернулась:

— Он сейчас выйдет, а вы пока выпейте кофейку.

Передо мной возникла фарфоровая чашечка. Я закурил, тогда это еще можно было делать, и взял в руки чашечку. Кофе был отменным, а не бурдой из кофейной машины. Чувствовалось, что здесь знают в этом деле толк.

— А вот и хозяин, — кассирша указала на вышедшего из-за занавески крупного представительного мужчину.

- Слушаю, — присев рядом со мной, сказал хозяин.
Я взглянул на него и тотчас же узнал в нем моего бывшего напарника.
- Привет! Узнаешь?
— Нет.
— Ну, как же, мы вместе с тобой гоняли рекламу.
Он посмотрел на меня и, махнув рукой, сказал:
— А... ну, да, что-то такое припоминаю.
— Вот видишь, я оказался прав!
— В каком смысле?
— Ну, как же, я же тебе говорил, что пройдет какое-то время, освоишь язык, получишь профессию, подсобираешь деньжат и откроешь собственное дело. Кафе у тебя замечательное, в деловом дорогом районе города. Бизнес процветает. Вот об этом я и хочу написать в нашей газете. Я веду в ней рубрику «Наши люди».
- Бизнес процветает? Чей бизнес? — вытаращив на меня глаза, спросил мой бывший напарник.
— Ну, твой, разумеется.
— Мой бизнес процветает. Да ты что, парень. На ладан он дышит, а не процветает. Вон через дорогу в Макдональде — да, процветает! А что в том Макдональде? Да в нем, не за столом будет сказано, кроме говна на постном масле, ничего не подают! А у меня все на сливочном, а клиентов хрен целых ноль десятых! Ты ж посмотри, — он подвинул в мою сторону цветной лист бумаги с надписью «Меню», — у меня ж и пельмени, и белыши, и соленые помидорчики. Грибки маринованные, опять же гречневая каша с бараньим боком, щи из свежей капусты, борщец красный с чесночком, голубцы со сметанкой! Оладьи мучные, картофельные... Киевский торт. Конфеты «Птичье молоко». Чаек цейлонский — свежайший. Кофе с армянским коньячком, а они, суки... клиенты то есть, в Макдональд прут! И ладно бы только местные, но и наши тоже скурвились. Променили борщ на триО! А от этого твоего триО только что серишь кривО!
- Я хотел было возразить, что никакого отношения к триО не имею, но хозяин кафе мне этого не позволил. Он сильно ударил кулаком по столу и ультимативно заявил:
- Нет, все, хорош! Завтра улетаю в Москву. Сяду на «бычка» (марка машины). Там, знаешь, сколько на «бычке» можно поднять! Тут и миллионеры столько не зарабатывают. Все, шабаш! Хватит, накушался здесь... Завтра же в...
- Я встал, закрыл за собой дверь с обратной стороны и не расслышал последнего слова, но догадался, что оно будет — Москва.

КАРУСЕЛЬ ТАЛАНТОВ

- В понедельник утром в кабинет редактора газеты «Русское Поле» Исаака Гера зашел журналист Иракий Субарванцев. И так как был с ним на короткой ноге, сказал:
- Изя, я набросал фельетон «Звездная пыль». Прямо не фельетон, а бомбу! Даже не знаю, возьмешь ли ты его в номер.
- Иракий положил на редакторский стол несколько листов с напечатанным в формате «Arial Blake» текстом. Редактор — феноменальное сочетание грозного льва и трепетной лани — осторожно (сейчас Гер являл собой лань) поинтересовался:
- На предмет?
— Конкурса эмигрантских талантов, что недавно проходил в нашем городе.
— И...
— И прошелся я по этим талантам. Посадил, так сказать, звездную пыль в достойную ей лужу!
— Что за конкурс?
— Карусель талантов...
— А, это те, — оживился редактор, — что отдали рекламу своего мероприятия, хотя я предлагал им тридцатипроцентную скидку, в конкурирующую газетенку «Новые дни»?
— Ну, да.

— И правильно сделал, что прошелся! — в редакторе проснулся лев. — Во-первых, будут знать, как связываться с нашими конкурентами! Во-вторых, пора внести в нашу среду достойную критику! А то, куда ни кинь взор... ахи и вздохи. Ах, как прекрасно. Ах, как замечательно! Ах, какие мы молодцы, а посмотришь... Господи, так не на что и смотреть! Давай свою бомбу, Ирик. Давай...

Редактор достал из черепахового футляра элегантные очки. Надел их на орлиный нос и стал читать. Вскоре послышались смешки, а уж потом и хохот. Закончив чтение, редактор, не снимая очков, потер кончик носа и сказал:

— Ну, молодец, Ирик. Молодец! Врезал им по сопаткам. Дал меж рог! Будут знать, совки позорные! Вот этого ты правильно назвал «поющим огурцом».

— Кого?

— Ну, этого, — редактор ткнул пальцем в фамилию директора овощного магазина, — что получил на конкурсе звание «открытие года»! Я бы, правда, назвал его не огурцом, а боровом! У него ж не лицо, а натуральное свиное рыло! Ты подумай над моим предложением.

— Разумеется, — пообещал Ираклий.

— Подумай, подумай. Он такая, брат, свинья. Такой сквальжник! Свет такого биндюжника не видал... Ей-Богу! — редактор перекрестился на висевший у редакторского изголовья портрет классика иммигрантской литературы. — Бьется со мной за каждую букву рекламы, за каждый цент — точно красная армия за Сталинград, — редактор вновь (словно ныряльщик за жемчугом) нырнул в глубины текста. — «Поющая лошадь» — вот это ты, брат, правильно ее окрестил. Не в бровь, а прямо в ее вечно завидующий глаз!

— Это ты кого имеешь виду, Изя? — поинтересовался Ираклий.

— Да про Зинку Вербицкую, ту, что заведует химчисткой «Чистые пруды». Поет она, понимаешь! Занималась бы, блин, своим прямым делом. А то ведь что получает. Отдаешь ей в чистку брюки с двумя пятнами, а получаешь с пятью! Певица, мать ее... — редактор испуганно перекрестился на огромный, что стоял на его столе, бюст «солнца отечественной словесности». — И этого директора, — продолжил он, — ты правильно «павианом с микрофоном» назвал, — редактор рассмеялся.

— Это ты про кого?

— Да про директора риэлторской фирмы «Ключи у порога». Директор, мать его! Он так же похож на директора, как я на митрополита. С такой мордой, как у него, не на сцене петь, а в тюрьме сидеть... «Иголочка в заднице» — это кого ты имеешь в виду?

— Так это же Фаня, хозяйка пошивочного ателье «Золотой шов», — пояснил Ираклий.

— И эта корова тоже поет?

— Еще как. Первое место заняла!

— Что ты говоришь?! Могу себе представить голос того, кто занял второе место!

— Кобылин.

— Что Кобылин?

— Второе место занял Вячеслав Кобылин!

— Как второе? Он же под следствием?! — удивленно вскинул бровь редактор.

— Ну, не в тюрьме же, а только под следствием.

— Такого можно и без следствия садить! Редкостный мерзавец! И что он пел, этот Кобылин, «Мурку», что ли? — редактор запел. — Мурка, ты мой Муреночек. Мурка. Маруся Климова. Прости любимого!

— Bravo, Изя! — захолопал в ладоши Ираклий. — Тебе нужно было на этом конкурсе выступать!

— А почему бы и нет?! — обиделся смеху редактор. — Почему нет? Я бы им там всем показал, как надо петь. Певцы, мать их...

Редактор зажал рот и перекрестился на барельеф бородатой, известной своими антисемитскими высказываниями литературной особы.

— Ну, так что, помещаем мою «Звездную пыль»?

— Разумеется. И в ближайший номер!

— Изя, а вдруг...

— Никаких вдруг! Мы живем в демократической стране с гарантированной сво-

бодой слова!

— Изя, но ведь слово...

— Да, слово жалит! Но кому это не нравится, пусть собирает чемоданы и назад в совок! Мы не должны поступаться принципами! — пафосно заявил редактор. И после некоторой паузы, которую он выдержал в наполеоновской позе, продолжил: — Мы, журналисты, писатели и прочие инженеры человеческих душ, должны стоять на рубежах защиты слова! Да, мы, а кто же, если не мы, будет проводить в жизнь идеи и принципы плюрализма мнений?! Так-то, мой друг! Молодец, что написал! Ты настоящий и смелый боец газетного фронта! Позволь пожать твою творческую руку!

Редактор крепко сжал писательскую руку...

Утром я увидел в «катафалке» новое (борода, густая шевелюра, пронзительные глаза, волевой подбородок) породистое лицо.

— Вы Ираклий Субарванцев? — осторожно поинтересовался я.

— Он самый.

Я протянул руку и запинаящимся от волнения, а как иначе, если я впервые видел живого и популярного журналиста, голосом сказал:

— Очень рад знакомству.

— Взаимно, — Ираклий Субарванцев сунул мне два длинных аристократических пальца.

— Всегда с интересом читаю ваш юмористический раздел «Овод» в газете «Русское Поле». Особенно мне понравился ваш последний фельетон «Звездная пыль» о конкурсе талантов в нашей иммигрантской среде. Животрепещуще, остро, злободневно, умно...

— Благодарю за теплые слова.

Я достал (для пущего сближения с известной личностью) пачку сигарет и протянул ее Субарванцеву:

— Угощайтесь.

— Премного, — журналист извлек сигарету, — благодарен. Премного.

Я дружески щелкнул зажигалкой. Мы сделали по затяжке и замерли, поглощенные табачным кайфом. Сделали по второй, от которой уже не кайф, а вкус нестиранных носков. После третьей я спросил:

— А что к нам? Размять, так сказать, члены? В том смысле — вроде физкультуры? А что, правильно! Вы знаете, к нам даже миллионеры приходят на разноску. А что, и копейку заработаешь, и физическую нагрузку получишь, совместишь, так сказать, полезное с приятным.

— Нет, я к вам по другому делу, — стряхнув пепел, ответил Ираклий Субарванцев.

— За материалом? Написать, что ли, о нас хотите?

— Нет не за материалом, я к вам за смелость!

— В каком смысле?

— Ну, вот вы только что сказали, что вам понравился мой фельетон «Звездная пыль», мол, животрепещуще, злободневно, остро. Вот за эти жужжащие обстоятельства я и попал на флаерсы.

— ?

— А куда мне еще с моей журналистской профессией податься? В англоязычную газету меня, в отсутствие языка, не возьмут, а в русскую меня уже не пустит репутация скандалиста.

— То есть вы хотите сказать... я так понимаю, что вас уволили за ваш фельетон «Звездная пыль»?

— Ну да!

— А как же свобода слова? Демократические принципы. Плюрализм мнений! Как так? Это же не совок!

— Не смешите меня, молодой человек, — горько усмехнулся Субарванцев, хотя я был младше его всего лет на пять, — свобода слова! Принципы! Мнения! Не совок! Совок, да еще какой! Только там идеология, а здесь бабло! Те же яйца, только в профиль!

— Допустим, но за статью... выгонять из газеты? Как так?

— А так. Просто. Возмущенные «читатели-рекламодатели», участники конкурса «Карусель талантов», позвонили в газету и заявили: не уберете из газеты Субарванцева, отзовем свою рекламу в другую газету. И все редакторские принципы и разглагольствования о свободе слова, плюрализме мнений, защите демократии и прочей чепухе полетели к чертям собачьим!

— А что редактор?

— А разъяренным рекламодателям редактор сказал, что его в момент публикации фельетона не было в городе. Это-де все сделано с ведома Субарванцева, который якобы его замещал. Ибо я, заявил редактор (рванув ворот новой рубахи) рассерженным читателям, никогда бы не позволил опубликовать этот пасквиль! Эту пошлятину, очерняющую нашу талантливую и благороднейшую эмигрантскую публику...

Субарванцев замолчал и несколько минут, глядя себе под ноги, курил. Затем плюнул на окурочек, точным броском послал его в урну и сказал:

— Вот если бы я стал редактором, то я, поверьте мне на слово, никогда не пошел бы на поводу у читающей публики. Уж я бы не избегал острых углов.

Иракий Субарванцев проработал на флаерсах около года. Затем основал свою газету «Семейная газета», которую сокращенно называет «Семга». В материалах «Семги» даже неискушенному читателю видно: редактор Силон Непокорнов (так Иракий Субарванцев теперь себя именует) всячески избегает не то что острых, но даже и слегка шершавых углов эмигрантской жизни.

ЛУКИН

Как-то поздним ненастным осенним вечером на глухой провинциальной дороге наш «катафалк» остановил полицейский патруль.

— What are you doing here? — поинтересовался офицер у плотно прижатых друг к другу разносчиков. Никто из них не знал, что ответить.

— Looking Foresthill, — пришел на помощь (так назывался город, в который мы ехали) испуганным товарищам Александр Фискин, неплохо владеющий иностранным языком.

Полицейские недоуменно усмехнулись. Было, от чего. Карго. Единственное стекло в водительском салоне, да и то забрызганное грязью. На дворе тьма, холод, дождь... Ни огонька, ни всполоха. Да и вообще как можно осматривать Форестхилл, когда до него еще километров двадцать езды? Один из блюстителей законности покопался в куче (что горой высились у дверей катафалка) разносчинских сумок. Проверил наугад документы.

— Ок!

Патруль захлопнул дверь с обратной стороны. Машина помчалась дальше, а Фискина с той поры стали звать — Лукин.

Лукин, невысокий, длинноволосый, дурнопахнущий молодой человек, сторонился своих товарищей по разноске. Называл их совками, хамами и всячески стремился к дружбе с аборигенами. Но дружбы не получалось, и по этой причине Лукин ходил хмурый, раздраженным и крайне, как говорил о нем Фикса, «нервительным». Но однажды он преобразился. Обычно хмурое лицо его в тот день сияло, точно лик святого на церковной иконе.

— Что это с Лукиным? — поинтересовался я у Фиксы.

— Нашел себе друга аборигена. И не абы кого, а церковного попа!

— Православного, что ли?

— Не знаю, какого, но попа.

— Может, пастора?

— Говорят тебе, попа! — восклицательным знаком окончил нашу религиозную дискуссию Фикса.

Со дня знакомства с пастором-попом Лукин перестал говорить своим товарищам по разноске дежурное «привет» и смотрел на них свысока, точно Бог на свое погрязшее в грехе создание. На наши вопросы он отвечал языком аборигенов:

— Sorry. I'm don't understand. Ок...

Один знакомый всезнающий эмигрант из Румынии Петрику Радонеску сказал как-то Лукину:

— В сауне аборигены конструктивнее идут на сближение с эмигрантами.

— Правда?

— Истинная!

В ближайший свой выходной Лукин пришел в сауну. Не остановили его даже «базары» в русской иммигрантской среде о творящихся там сексуальных безобразиях. «Да хоть с чертом связаться, только не с вами: совками, хамами и ничтоже-ствами, — говорил про себя Лукин и добавлял: — Кроме того, все эти разговоры о сексуальных вольностях — скорей всего мифы, а что еще, кроме дешевых сказочек, могут придумать совки!»

Как-то вечером Лукин решил: положил в свой мятый рюкзачок сменное белье и явился в спортивный центр. Войдя в него, он поинтересовался у служителя:

— How can I get a sauna?

Работник махнул в правую от коридора сторону и ответил:

— Over there.

...Лукин разделся и вошел в секцию бассейнов с циркулирующей в них водой. Они были заполнены приветливо улыбающимися Алексу лицами (тела их скрывала бурлящая, точно гейзеры, вода) аборигенов. В парилке его встретили мощные торсы и дружественные взгляды. Короче, не обманул всезнающий румын! Аборигенов было хоть пруд пруди, и главное, главное, они смотрели на Алекса Лукина с заинтересованностью и охотно шли на контакт. Но вскоре, в связи с хронической, не смываемой даже мылом вонью, интерес к нему иссяк. Разочарованный Лукин уже собирался уходить, как неожиданно возле него затеялся средних лет малопримечательный с серебряным крестом на груди человек. После дежурных: «How are you? Where do you live? It's nice to meet you. I would like to see you», — человек представился:

— Пастор Христиан Дюраль.

— Алекс, — отрекомендовался Лукин.

— I am very happy.

А уж как счастлив был Лукин! Познакомиться с аборигеном, да еще и с пастором, — разве не счастье?! Правда, от пастыря, так же как и от Алекса, несло козлом, но минус на минус дает плюс.

С этого дня всякий свой выходной Лукин проводил в сауне в обществе пастыря Дюраля. Пастырь был не просто какой-нибудь заштатный поп, а самый настоящий религиозный интеллектуал. Он ловко жонглировал именами русских писателей и общественных деятелей.

— О, нет! — кривился Лукин. — Русские писатели не есть хорошо. В них мало космополитизма и демократичности! В дискурсе современной культуры...

Слова космополитизм, демократия, дискурс придавали Лукину веса в пасторских глазах. С литературной темы пастор легко уходил в неведомые Алексу теологические дебри. В них он чувствовал себя истинным Вергилием! Пастор мастерски оперировал именами и высказываниями святых отцов церкви: Преподобного Викария Великого, Аврелия Августина, Великомученика Ефстафия. Умно высказывался «работник культа» и о первородном, личном и вселенском грехе... Звал дорогого Алекса к покаянию и обещал личное бессмертие. Лукин все порывался спросить, что это такое — личное бессмертие, но показаться новому другу невежественным и, не дай Бог, по этой причине лишиться его дружбы — о, нет, лучше промолчать. Ведь сказано: «Язык твой — враг твой».

Недели через две пастырь Дюраль предложил:

— Алекс, а не выпить ли нам по бокалу вина? У меня есть бутылка прекрасного монастырского напитка!

Предложение носило явно греховное начало, но с другой стороны, пастырь не аятолла. Поэтому весьма равнодушный к спиртному Лукин с радостью согласился:

— Почему бы и нет!

— Тогда пойдете ко мне.

— Куда?

— Да я живу тут, — пастырь махнул в сторону циркулирующих бассейнов, — неподалеку, в церковном общежитии. Там у нас тихо. Никто не помешает нашей беседе. Пойдем?

«Еще бы не пойти! — воскликнул в душе Лукин. — Попасть в оплот интеллектуализма и теологии. Только конченный совок может отказаться от такой удачи!» В предбаннике, одеваясь, Лукин решил: «Все, больше с флаерщиками этими, совками и хамами, я не разговариваю». После этого обещания в мозгу родилась греховно-корыстная мысль о поступлении, с помощью пастыря, в религиозно-философское заведение...

До общежития пара добиралась на обшарпанном пасторском «Пежо». Лукину не понравилось, что интеллектуал и обладатель неплохой (очевидно) зарплаты ездит на такой машине. Это обстоятельство могло принизить его в глазах хамов, совков, разносчиков... Но с другой стороны, это выглядело крайне демократично! Машину припарковали на стоянке.

— Вот здесь я и живу, — пастырь указал на мрачное давно минувшего архитектурного (Лукин так и не мог вспомнить какого именно) стиля здание.

Внутри него пахло воском и мышами. Мрачный потолок давил на мышцы и психику. В лестничном скрипе угадывалась тахита: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Но это всего лишь авторский (хотя автор и бывал в подобных заведениях) вымысел, для Лукина же ступени пели ангельскими голосами, а потолок парил и сиял, точно свод в царстве небесном. Лукин чувствовал себя поднимающимся по «Stairway to Heaven» пилигримом.

Поющие небесной музыкой ступени привели его к белой (точно больничной) двери. Пастырь открыл ее золотистым ключом, и Лукин вошел в комнату. Обстановка в ней была ниже уровня спартанской: стол, тумбочка, стул, кровать, а над ней распятие. Пастырь достал вино. Конфеты. Сел на стул, а Лукину указал на кровать. Разливая вино, Дюраль... Да что это я все — Дюраль, пастырь. Ведь у него есть отменно-писательское имя Христиан. Разливая вино, Христиан затронул философскую тему человеческих предрассудков и религиозного взгляда на дуальную природу греха.

— В дискурсе современной науки... — поддержал разговор Лукин.

После первого стакана разговор сам собой с философско-религиозной серьезной дороги свернул к шутливо-иронической тропе. После второго стакана «Кагора» пастор Дюраль пересел на кровать. После третьего он коснулся темы содомского греха и осторожно погладил колено дорогого Алекса. После четвертого Христиан резко схватил руку нового друга и сунул ее к себе в ту область, что на медицинском языке называется пахом. Лукин онемел. Служитель же культа, воспользовавшись замешательством, нырнул Алексу в колени и больно вцепился зубами в то место, что называется причинным. От боли руки Лукина интуитивно стали защищаться. Одна из них (точнее, правая) содрала со стены распятие и обрушила ее на потерявшую контроль голову бедного Христиана. Раздался крик, по сравнению с которым крик раненого зверя просто-таки детский писк. Спустя мгновение вся кровать была залита интеллектуальной религиозной кровью пастыря Дюралья, а еще через минуту на коридоре послышался топот ног. Двери треснули, распахнулись, и тесную комнату запрудил цвет местной церковной элиты. Был среди них даже один кардинал, который, как утверждали, являлся претендентом на папский престол.

— Я не хотел его бить! — заверил их, ломая руки, Лукин. — Это машинально, автоматически... так сказать, врожденный рефлекс.

— Мы понимаем. Понимаем, — заверили Алекса «продавцы религиозного дурмана». — Мы все понимаем. Если у вас нет претензий к мсье Дюралю, то ступайте домой, молодой человек.

— Какие претензии. Что вы! Это у пастыря могут быть ко мне претензии.

— Нет у мсье Дюралья к вам никаких претензий, — ответил за Дюралья претендент на папский престол. — Вы свободны.

— Да, да, — слабым голосом заверил друга мсье Дюраль. — Ступайте домой. Мы еще увидимся, Алекс.

Однако увидеться с Христианом Лукину не удалось. Ни на следующий день, ни

даже через неделю Христиан Дюраль в сауне не появился. Примерно через месяц Лукин узнал, что за нарушения пастырского (оказывается, лукинский скандал был лишь маленьким звеном в длинной цепочке сексуальных дебошей пастыря Дюралья) устава Христиан Дюраль был переведен в заштатную церковь маленького городка со сказочным названием «Trois Pistol». После этого известия Лукин пропал с разносками.

Я слышал, а может быть, придумал?.. Одним словом, как-то в небольшом городке (в котором, что называется, ни спрятаться, ни скрыться и где каждая собака на учете) местный шериф остановил незнакомого ему человека:

— What are you doing here, sir?

Незнакомец ответил:

— Looking Trois Pistol.

Был ли это Лукин, я утверждать не стану.

КРОКОДИЛЫ

Олега Назарова, коренастого, губастого, глазастого, щекастого и совершенно лысого человека, в бригаде звали черепом. Я его почти не знал и никогда раньше вместе с ним не работал, поэтому был несколько удивлен, когда бригадир Фикса, выведя его из бурой массы флаерщиков, сказал, указав на меня:

— Сегодня будешь работать с ним.

Череп со смирением, присущим религиозным людям и проштрафившимся работникам, безропотно встал рядом со мной.

— И с ним.

Из общей массы был выщелкнут, негромко выражая несогласие, и водворен в нашу жидкую с черепом шеренгу Аркадий Фрумкин.

— И с ним.

Ряды наши пополнил шумно ругающийся назначением Василий Деревянко. Фикса осмотрел наш квартет и заключил:

— На этот участок хватит.

— Хватит! Вы гляньте на него! — выразил неудовольствие Деревянко. — Четыре человека на участок размером с Красноярский край — хватит! Сам бы пошел...

— Я, — резко оборвал его Фикса, — когда таким, как ты, бегунком был, и больши́е, чем этот, районы... и, хочу заметить, в одиночку, а вас четверо бугаев... делал. И не скулил, точно пес! Не нравится, вали домой или ваще в совок!

— Ладно, ладно. Успокойся, — остановил я разгорячившегося и уже даже засучившего рукава Фиксу. — Сделаем, что там, действительно, делать.

— Ну, другой базар, — произнес Фикса, вытирая выступивший на лбу пот. — Я тогда мигом вам бумагу подвезу.

— Во, блин, еще и бумаги нет, — вновь возмутился Василий. — Это значит — тридцать минут, а то и час, ждать, а платить кто будет...

— Так, домой! На хрен! Хорош! — Фикса вытолкнул из наших рядов В. Деревянко. — И что б я больше тебя в своей бригаде не видел.

— Подумаешь, герой какой! В своей бригаде! Да таких бригад в городе!..

Деревянко развернулся и, насвистывая разухабистый мотивчик, направился к эскалатору. Фикса плюнул ему вдогонку и, повернувшись к общей массе флаерщиков, сказал:

— Ты.

В нашу шеренгу вошло новое лицо — Боря Штейн.

— Так, бумагу подвезу через полчаса. Все остальные — в «катафалк», — приказал Фикса.

Через минуту в предметровнике остался только наш квартет.

— Вот, черт! — выругался Аркадий, похлопав себя по карманам. — Сигареты дома забыл!

Про его трюк с забытием сигарет знали не только разносчики, но и многочисленные пассажиры станции метро «Вегу».

— Что же ты, Аркадий, черта поминаешь. Нехорошо это, — укоризненно глядя

на Аркадия, сказал Череп.

— Ну, понеслась кривая в щавель, — скривился Аркадий. — Кто про что, а Череп про расческу! Ты уже своим чертом достал по самые не хочу! Нет никакого черта. Нет, как у меня сигарет!

— И хорошо, что нет сигарет. Сигареты — это дьявол в упаковочной коробке.

— В какой коробке?

— В сигаретной, — пояснил Череп. — Наш пастырь говорит, что нечистый прячется везде...

— Ваш пастор сам нечистый, — перебил его Аркадий. — Обещал мне за визит в его церковь чек на сорок долларов, а дал фиш и тот без масла. Я теперь больше в эту вашу церковь ни ногой! Лучше уж в синагогу, там хоть гарантировано два пищевых пайка на Песах и на Рош а Шана!

— Мне тоже обещал, — вступил в разговор Борис. — И тоже обманул, а я же ради его сраной проповеди и обещанного чека на флаерсы не пошел. Полсотни баксов потерял!

— Ай-яй! — грустно покачал головой Череп. — К Богу надо не за чеком ходить, а за помощью.

— Так Бог мне и обещал помощь... чек на сорок долларов, а пастырь ваш их прикарманил. Его что, тоже бес попутал?

— Может быть, — смиренно ответил Череп. — Он ведь тоже человек. Пастырь наш.

— Хреновый он пастырь, коли против беса не устоял!

— Против лукавого редко кто устоит. Один только Спаситель и устоял, а другие...

— И Спаситель бы твой не устоял, не обещай ему Бог больше, чем сатана, — выдвинул революционное предположение Борис.

— Правильно! — поддержал его Аркадий.

— Не богохульствуйте, ребята! — нахмурился Череп. — Не богохульствуйте, а не то...

— А то что — анафеме нас предашь?! — весело рассмеялся Аркадий. — Предавай, я все равно не верю ни в Бога, ни черта!

— Я тоже, — сказал Боря.

— Как же можно не верить, — пристально взглянул на них Череп, — когда про это в книге написано. В Святой книге... Богом продиктованной.

— Ха-ха. В книге. Я в перестройку столько историй про чертей, ведьм, барабашек и прочих инопланетян в газете «Знамя коммунизма» насочинял. Я же журналистом работал! Ого-го! Пророчества такие на гора выдавал... круче Иоанна Богослова. Пиплис хавал с охоткой, да еще и требовал продолжения!

— Но это ты сочинял, а пророкам Бог диктовал.

— Может быть, и диктовал. Да только пророки твои все по-своему переврали! Смешали, что называется, плевла с зернами. Поэтому нет никакого черта!

— Как это нет? Ты Библию-то почитай. Там прямо в самом начале в книге Бытия дьявол появляется в образе змея, обольщающего первых людей. А в Апокалипсисе сатана описывается как «большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадем». Лстец коварный. Обманщик великий! Участь которого озеро огненное. И вас не минет участь сия, если не раскаетесь и не обратитесь ко Спасителю нашему Иисусу Христу. Выбирайте: ад и вечные муки или вечное блаженство с Господом Иисусом Христом, создателем всего живого, меня и вас лично!

— Ну, ты и шпаришь, — вступил я в теологическую дискуссию. — Точно папа римский!

— Не я, как ты выражаешься, шпарю, а Святое писание так говорит. Читал Святое писание-то? — поинтересовался Череп.

— Читал что-то... когда-то, но как-то... — не желая выдавать полное свое невежество в данном вопросе, замямлил я. — Ну, сам понимаешь, в каком времени и в какой стране жили.

— Конечно, конечно, — понимающе закивал головой Череп. — Но это мы попра-

вим. Это мы устраним.

Череп полез в свою сумку, вытащил из нее термос, пластмассовую коробку, до краев набитую пловом, сменные носки, телефонную трубку со свисающими с нее проводами и Библию в черном переплете.

— А это что? — поинтересовался я.

— Что?

— Вот это, — я указал на телефонную трубку.

— Трубка.

— А ты что, телефонист? — спросил Борис.

— В некотором роде, — обтекаемо ответил Череп.

— Телефонизируешь Богу о своих сражениях с сатаной? — ехидно поинтересовался Аркадий.

— А это что? — я указал Черепу на металлические финтифлюшки, что крепились на проводах.

— Крокодилы, — коротко ответил, явно пытаясь увести разговор в другую плоскость, Череп.

— А зачем они?

— Ну, ими соединяешься с линией...

— Да нет, Владик, гонит он все, — махнул на Черепу рукой Борис. — Он этими крокодилами сатану отпугивает.

— Да ну вас, в самом деле, — Череп обиделся, бросил в сумку свои, включая Святое писание, пожитки и пересел на другую лавку.

— Угостил бы кто-нибудь папирсой? — в никуда и к никому, но поглядывая на меня, обратился Аркадий.

— Угощайся, — я протянул ему пачку.

— Ну, тогда и я с вашего позволения.

Борис шустро извлек сигарету. Не успели мы сделать и по затяжке, как к метро подъехал Фикса.

— Вот дьявол! — выругался Аркадий — И что у него за привычка всегда появляться не вовремя. Половину сигареты придется выбросить.

— А ты засоли, — предложил Борис.

— Это как?

Борис поплевал на горящий табак и сунул бычок за ухо:

— Вот так.

— Нет, я выше этого!

Аркадий раздавил окурок. «Конечно, выше... видел же, что у меня еще почти полная пачка», — подумал я и пошел к катафалку.

— Получи, — и в Череповскую сумку со Святым писанием отправилась пачка рекламных буклетов.

Мне почему-то живо представились недовольные таким соседством крокодилы. Пока мы ехали к месту разноски, я мысленно затеял в сумке Черепу настоящее сражение, в нем телефонные крокодилы яростно дрались за Святое писание с рекламными буклетами. Из этой кошунственной фантазии меня вывел голос Фиксы.

— Десантируются Влад и Череп. Остальным приготовиться.

Мы выпрыгнули. «Катафалк» покатил дальше.

— Ты по какой стороне пойдешь? — поинтересовался я и уточнил. — Четной или нечетной?

— По четной, — ответил Череп. — Нечетная — это сатанинская сторона.

— Значит, ты меня отдаешь сатане на растерзание! А где же твое христианское милосердие?

— Но ты ведь все равно не веришь.

— Наличие сатаны зависит только от веры? То есть если я не верю, то его и нет?

Так он есть или его нет?

— Есть, нет, — зашвырнув сумку за плечи, ответил мне Череп. — Без разницы. Пошли, а то я опоздаю!

Куда он мог опоздать, это я выяснять не стал, а пошел по нечетной стороне улицы, вслед за ним. Ходил Череп быстро, но несколько раз он опаздывал к финальной

точке минут на двадцать. На мой вопрос:

— Где ты был, — Череп, морщась, поглаживал живот:

— Прихватило.

Такие прихваты случались с ним два раза в неделю в среду и пятницу. Так мы проработали с ним больше месяца. За это время я уже довольно бойко оперировал религиозными терминами. Кроме того, неплохо разобрался в проделках сатаны и в мощи противостоящего ему Святого писания. Бог его знает, до каких бы теологических высот я добрался, но однажды череп не появился в назначенный день на работе. Мне пришлось работать за двоих. Я был зол на него, как дьявол на Божественное творение. На следующий день Фикса привез мне нового напарника. На мой вопрос:

— Где Череп? — Фикса с избыточной самодостаточностью ответил:

— Под следствием.

— Как под следствием?

Бригадир посвятил меня в детали шьющегося на Черепе уголовного дела.

— Ты у черепа телефонную трубку видел? — после небольшого экскурса спросил он у меня.

— С крокодилами? — уточнил я.

— Да.

— Видел.

— Так вот, этими крокодилами Череп, предварительно вскрыв телефонную коробку какого-нибудь не работающего днем, ночного (они как раз стояли на нечетной стороне улицы) бара, подсоединился к телефонной линии и часами трендел со своими родственниками в Череповце, а счет, естественно, автоматом шел на ночной бар. Прикинь, какие это были счета!

— Да можно только представить, — покачал я головой. — А я думал... точнее, Аркадий говорил, что он от сатаны этими крокодилами отбивается.

— Ага, отбивается он... — усмехнулся Фикса. — Только не от сатаны, а от уголовного кодекса. Ты знаешь, насколько телефонная, да еще к тому же государственная, компания может его обуть? Не то что черепу, а внукам еще долги останутся!

— А как его нашли? Ну, в смысле, что это он звонил.

— Да легко, — ответил Фикса. — Он ведь, придурок, по этим номерам и из своего дома звонил.

— Ну, и что?

— Хозяин бара пришел в компанию и заявил, я, мол, не то что не звонил в этот ваш факаный Череповец, но даже не знаю, где fuck off он находится! Поэтому платить вам ни хрена не буду! А там платежки ого-го! Больше пяти тысяч баксов! Компания туда-сюда, а хрен на. Человек явно не при делах! А баблo нужно с кого-то слупить? Нужно. И стали они искать, а чего тут искать! Узнать только, кто, когда и откуда звонил в этот самый Череповец. Проверили и вышли на Черепана. Череп при задержании — в отрицаловку. Я, мол, не при делах, а они ему запись его разговора из кабака и из собственной квартиры — тык! Один базар — и Welcome to обезьяник! Наши совки думают, что они тут все ослы вислоухие, а они, братан, тоже не пальцем струганые. Когда дело касается их баблa, они ух какие ушлые! Рюют землю не хуже наших мусоров! Вот так-то, Владик! Ну, поехали. Работа не ждет!

Мы сели в машину. Товарищи мои задремали, а я достал из сумки Святое (подаренное Черепом) писание и открыл наугад страницу. «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить». Я захлопнул книгу, закрыл глаза и живо представил себе диавола в виде рыкающих телефонных крокодилов, пожирающего не устоявшего перед соблазном (халявных телефонных разговоров) Черепана.

— Але, приехали, — вывел меня из страшной реальности голос моего нового напарника. — Выходим...

Прошли годы. Сегодня международные звонки стоят сущие копейки. Технологии положили конец дьявольским соблазнам. Я слышал, что сегодня Череп работает в частной телефонной компании и занимает там какую-то ответственную позицию. Продолжает ли он свои антидьявольские проповеди, этого я, увы, не знаю.